

Б И Б Л И О Т Е К А

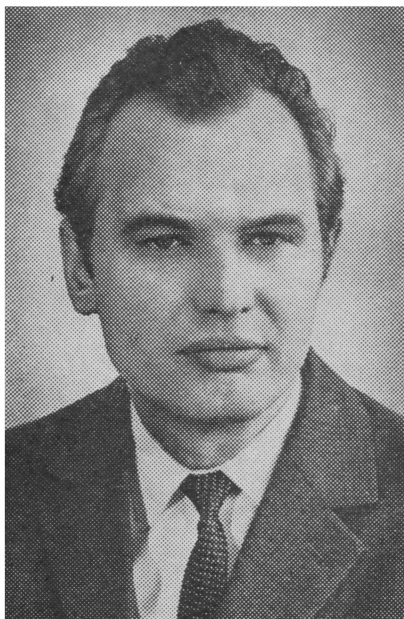
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 12

1982

Валерий ГАНИЧЕВ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

ВО ИМЯ ПОТОМКОВ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 12

Валерий ГАНИЧЕВ

ВО ИМЯ ПОТОМКОВ

СТАТЬИ

Москва. Издательство «ПРАВДА».
1982.

Валерий ГАНИЧЕВ

Валерий Николаевич Ганичев родился в 1933 году в Ленинградской области, жил в Сибири, на Украине. Окончил Киевский университет. Преподавал в городе Николаеве, был избран секретарем обкома комсомола.

С 1960 года работал в ЦК ВЛКСМ инструктором, заместителем заведующего, заведующим отделом пропаганды. В. Н. Ганичев работал заместителем главного редактора журнала «Молодая гвардия», директором издательства «Молодая гвардия» (1968—1978 гг.), главным редактором газеты «Комсомольская правда», в настоящее время — главный редактор журнала «Роман-газета».

В. Н. Ганичев, доктор исторических наук, имеет ряд научных работ и книг по проблемам молодежи и печати, лауреат премии Ленинского комсомола.

В. Н. Ганичев — член Союза писателей СССР. Его книги «Наследники», «С открытым сердцем», «Устремление вперед», а также литературно-критические статьи затрагивают различные проблемы советской литературы, ее связи с жизнью, прошлым и будущим, ставят острые вопросы современности.

ЗЕМНАЯ ВСТРЕЧА

С апреля 1961 года весна, теперь уже навеки, связана в нашем представлении с началом космической эры. Человек шагнул в околоземное пространство и физически ощутил себя во Вселенной. Наше космическое мышление перешло из сферы фантастики в область реальности.

Тогда, двадцать лет назад, по поводу первого полета делались научные выводы, медицинские заключения, психологические предостережения. Интерес к первому космонавту был подобен всепоглощающему валу, в глубинах которого, казалось, навсегда могла остаться, смытая славой, естественность и простота Юрия Алексеевича Гагарина.

Но очередной вал отступал, и перед всеми предстал все тот же Юрий Гагарин, образец друга, бойца, гуманиста, человека России, Советской страны и человечества.

Навсегда запомнилась земная встреча двух выдающихся людей нашего времени — Великого писателя и Первопроходца Вселенной, прошедшая в Вешенской в июле 1967 года, в обрамлении веселой, мудрой и впечатляющей встречи с молодыми писателями. Об этом еще раз вспомнил с доброй задушевностью Михаил Александрович Шолохов осенью восьмидесятого года, когда мне удалось побывать у него на Дону.

В Вешенской в те дни стоял туман, и вертолет из Ростова не вылетал. Решили ехать на машине, хотя и к вечеру не успевали. Дорога на Миллерово, где решили заночевать, в прошлом неблизкая, ныне преодолевается за три часа. Да, много пришлось повидать этому седому шляху — казачьим потом и кровью полита здесь сухая степь. В давнину рыскали по ней кочевые орды, неумейной вольницей пронесились отряды Степана Разина и Кондратия Булавина, гарцевали после сокрушения Наполеона казаки Платова. Огненной рекой кипела тут революционная битва, унося в потоках времени жизни, обычаи и порядки прошлого. В годы Великой Отечественной полыхали на этой земле невиданные бои, и еще раз прозвучала над донской стороной старинная казачья песня, пронзительный эпиграф к «Тихому Дону», песня, которой, казалось, суждено быть вечной.

Не сохами-то земляшка наша распахана...
Распахана наша земляшка лошадиными копытами,
А засеяна славная земляшка казацкими головами,
Украшен-то наш тихий Дон молодыми вдовами,
Цветен наш батюшка тихий Дон сиротами,
Наполнена волна в тихом Дону отцовскими,
материнскими слезами.

...Уведомление синоптиков о тумане не подтвердилось, к Миллерову подъезжали при свете солнца, все кругом по-осеннему полыхало, и вспоминалось шолоховское: когда «на розовом костре зари величаво и безмолвно сгорали леса, луговины».

В Миллерове как бы переключаешься с одной скорости на другую, здесь тобой овладевают размеренность, нешумливость и какое-то внутреннее спокойствие.

То ли степи урезонируют нервную систему горожанина, то ли серединность этого городка порождает душевное равновесие. Ведь если взглянуть на карту, то город и станция Миллерово находится вдали от границ, на тысячи километров окруженные родными просторами: кругом Россия, кругом наша страна. И здесь тоже кипит работа, берутся обязательства, ведется строительство, не обходится без конфликтов, рождаются и растут будущие строители и землепашцы, воины и ученые и, наверное, зорко всматривается в мир, отбирая факты, образы и впечатления, грядущий певец этого края.

Вечером на берегу пруда прозвучала музыка, миллеровцы исполняли немного хриплыми, не сберегаемыми для вокала голосами народные, казачьи, военные, послевоенные песни. Современные пели мало. «Та они для одного спивака и под микрофон», — сказала, немного извиняясь, выводившая лучше всех песенные узоры чернобровая казачка. Да и неохота пришепetyвать им, степнякам, когда всю жизнь привыкли говорить и петь здесь громко, не таясь, не нарушая спокойствия соседних государств.

Утром встали рано, обещанный синоптиками туман подошел и, бросая охапки мокрой пыли, закутал выезд из города. Но вот выскочили на пересечение дорог, идущих с Кавказа и Украины, Казахстана и центра России. Именно здесь, у Миллерова, сказал нам секретарь райкома партии Л. Г. Чупринин, решили ростовчане построить памятник женщине-матери, труженице, обеспечившей победу Родине в годы Великой Отечественной войны, восстанавливавшей ее хозяйство в послевоенные годы.

Да, на земле Аксиньи и Натальи, Дуняши и мудрой хранительницы очага Ильиничны Мелеховой знают истинную цену женскому труду, преклоняют голову перед материнством и сутью всех начал — любовью.

Бесковылная степь, вернее, пашня, проносится мимо: осевшая уже стерня, комья вывороченной земли и стаи грачей и галок над мокрыми шляпками подсолнуха. «Грачей в эту осень налетело видимо-невидимо», — сказали в Миллерове. Прилет небезобиден — пять, семь центнеров подсолнуха недостает на гектаре после прилета такой поистине черной стаи. Вся земля вдоль шоссе вспахана и обработана, только кое-где стоят неубранные подсолнухи. Вспахана, конечно, не сохой и не лошадиным копытом. Прочно сидят нынешние казаки на машинах, тракторах и комбайнах, которые непрерывным потоком двигаются по шоссе в обе стороны. Хоть год и неурожайный, но миллеровцы смогли выполнить все задания пятилетки. Скотом и птиц заполнены фермы и усадьбы, богатеет двор колхозника, украшаются станицы и поселки. Промокише под дождем придорожные лозунги по-деловому лаконичны и призывают к экономии горючего, перевыполнению планов, напоминают, что дисциплина — наш долг, наша обязанность.

Недалеко от Вешенской переплелись конструкции строящегося животноводческого комплекса, растет лечебный центр. А вот и сама станица. Да какая уже станица! Сельский город в степи, если можно так сказать.

В Вешках приходилось бывать несколько раз, но ни разу осенью. Перед переправой выскакиваем на холм — и вот она, знаменитая станица, бережно держит ее на руках Дон, окружив осенними волнами, ивой и лозняком. Изменения чувствуются во многом, но оглядываться некогда, спешим к Шолохову. «Ждет к десяти», — сообщил секретарь райкома партии Николай Александрович Булавин.

В окружении яблонь и сиреневых кустов известный всему миру дом. В угловой комнате, где начинаются все дружеские разговоры, кое-что с последнего посещения изменилось. Но те же книги, стол с письменным прибором из карельской березы. На окне портрет А. В. Суворова с задорным хохолком на голове. Часы мелодично пробили десять, и послышались тихие шаги. Не спеша вошел Михаил Александрович, протянул руку и улыбнулся: «Долго ехали. Вертолет и машина — не конь...» После приветствия и передачи добрых слов от московских журналистов и писателей обращаюсь с просьбой написать «пару слов» о Гагарине для газеты.

В глазах промелькнула тень прошлого, и после паузы: «Пару слов мало. Хороший был человек. Наш... настоящий!»

Вспомнилось, как здесь, в Базках, в июне 1967 года, провожал он успешного за три дня полюбовиться всем вешенцам Юрия Алексеевича. Писатели, приехавшие на встречу к Шолохову, оставались, а его, улетевшего по своим, общественным, комсомольским обязанностям, самолет уносил на празднование 35-летия Комсомольска-на-Амуре. Когда пассажиры уже были в воздухе, Михаил Александрович, пожеывая папиросу, снял шляпу, задумчиво помахал ею, и вдруг

самолет сделал немислимый вираж, дал «отмашку» крыльями, чувствовалось, что штурвал взял Гагарин. Шолохов покачал головой: «Ну, Юра...» И чувствовались за этим восхищение отвагой и оправданная тревога.

Да, та знаменитая, уже оваянная легендами встреча молодых писателей с Шолоховым в 1967 году приобретала свою символику и из-за присутствия Юрия Алексеевича Гагарина. Была проведена она с размахом, задором, весельем, умными разговорами и удалыми песнями. Юрий Алексеевич попросил показать станицу, памятные для всех места тихого Дона. Приехал тихий, задумчивый. Готовились выступить вечером перед вешенцами. Михаил Александрович шутками, добрым словом снял неестественное для космонавта смущение и некоторую робость. На берегу Дона Юра (так мы его тогда все звали) устроил форменную круговерт. Состязался в прыжках, играл в волейбол, делал стойку на руках.

И потом, весело гикнув, кинулся в Дон и быстро поплыл, потянув за собой шлейф преследователей. Большинство конфузливо отстали и лишь некоторые достигли другого берега. Обратно он поплыл еще быстрее, нам это было уже не под силу.

«Ну, Юра, казак,— посмеивался Шолохов.— Ты мне писателей тут не загоняй...»

Вечером собрались на площади станицы. Хотя я и был в числе ответственных за проведение встречи, но захотелось посмотреть со стороны на многоопытных и мудрых вешенцев. Станица собиралась на площади, как на большой и возвышенный праздник. Девушки в модных современных юбках, в кофточках всех цветов, отнюдь не выглядели бестелесными парижанками и так пленили красотой молодых писателей, что некоторых так и не удалось извлечь из толпы на трибуну, с которой предстояло выступать.

Пожилые женщины обернули плечи цветными платками. Возможно, здесь были вынутые из старинных обитых сундуков и те бабы шалевые платки, в которых щеголяли современницы Аксиньи. Крепкие парни — механизаторы с обветренными лицами уверенно занимали лучшие места. Ласточками вились в середине толпы мальчишки, как бы изображая ракету. Новые времена — новые игры!

Старики соблюдали какую-то невидимую рядность и вытянулись неувимой шеренгой вдоль левой стороны площади. Несколько человек были в галифе, шерстяных носках и галошах.

Собирались после захода солнца, прожектор осветил трибуну и уперся лучом в верхушки деревьев. Михаил Александрович сделал шаг вперед, стряхнул пепел с неизменной папиросы, ненапряженно с хрипотцой кашлянул в микрофон, устанавливая тишину. Дождя, когда угомонились вороны, деловито рассаживающиеся на карнизах церкви, и лаконично обратился к собравшимся: «Вешенцы!.. К нам приехал Юрий Гагарин и писатели. Дадим им слово». Юрий

Алексеевич передвинулся к микрофону и начал рассказывать о подготовке к полету, аппаратуре корабля, ощущениях космонавта. Что, казалось бы, заботливым степным хлебоборам до заоблачных высот и неземных ощущений? Но слушали с неослабевающим вниманием. Девушки смотрели с нескрываемой любовью, матери — с лаской, отцы и даже деды расправляли плечи и горделиво покручивали усы — знай наших!

Закричал ребенок в коляске, несколько человек обернулись, приложили палец к губам, и, словно повинувшись, он замолк и снова засопел под еще вчера казавшуюся сказкой речь землянина — сына неба.

Слушал и Шолохов, его умение охватить мысленным взором необъятное пространство наполнялось новым представлением физического взгляда на нашу еще «мало оборудованную» для веселья планету.

Гагарина приходилось слушать много раз, но ни до, ни после я не видел у него такого волнения, такой тщательной внутренней подготовки, как здесь у Шолохова и вешенцев. Перед выступлением он советовался: освещать ли технические детали, рассказывать ли о предварительной подготовке, с чем сравнить перегрузки. А потом без всякой бумажки выступал почти час: говорил страстно, увлеченно, довольно популярно, но с подробностями, как перед квалифицированной аудиторией.

Затем были стихи и шумное сопровождение до гостиницы.

Об этой встрече, о нашем «русском космическом соколе» Михаил Александрович вспоминал еще несколько раз в то осеннее утро, ведь в 1981 году исполнялось 20 лет со дня первого полета человека в космос. Да, время летит неумолимо. «А ту встречу комсомол хорошо организовал», — говорит он. Но помню, как помогали тогда ее провести Ростовский обком и Вешенский райком партии, союз писателей и все, кто хотел этого живительного соприкосновения молодости и мудрости.

— Ну, вы с комсомолом давно дружите.

— Если как писатель, то с первых шагов! В Москву я приехал в 1923 году. А Маша через год. Помогали мне тогда комсомольцы.

И действительно, первые публикации тогда еще совсем молодого Миши Шолохова были напечатаны в «Юношеской правде», «Журнале крестьянской молодежи», «Смене» и «Комсомолии». Михаил Александрович неоднократно печатался и в «Комсомольской правде», читает ее. Говорим о письмах, приходящих в газету, затрагивающих все темы. Рассказываю Михаилу Александровичу и о тех колхозах и комсомольских организациях, где наряду с общественным производством поддерживают и личные хозяйства, помогают выращивать птицу, телят, поросят на приусадебных участках.

— Дело хорошее, — сказал Михаил Александрович. — Неплохо, если молодой человек будет приучен с детства к крестьянскому труду, будет знать, что булки на деревьях не растут.

— А некоторые селяне, молодые семьи не хотят заводить скот и птицу.

— Да, многие производители превратились в потребителей. Отвыкли.

— Опасается кое-кто, что все это приведет к усилению частнособственных нездоровых явлений.

— Ну, конечно, тут смотреть надо зорко. Но нездоровые явления — это когда человек работать не хочет, сидит себе в «козла» забивает или еще похуже.

В большой комнате, куда перешли пить кофе, осеннее солнце бросило свой луч через стекла веранды на зимний пейзаж украинской деревни, уже давно ставший родным в этом доме. Домашняя роза своими листочками почти касается потолка. Тихо ходит под столом Дамка, а за окном на веранде копошатся с шапкой подсолнуха синицы. Быт великого писателя прост, он живет в окружении обычной русской обстановки. Без экзотики и модерна. Стараюсь говорить посильнее, но это не нужно. Михаил Александрович все слышит хорошо, но сам говорит негромко. Делаю выпад против его постоянного курения. Он замечает: «Бросать уже поздно, а ты все сено пьешь (намекать на увлечение травами). Ходить надо больше, да чистым воздухом дышать».

В беседе интересуется всем. Литературными новинками, хозяйственными проблемами, успехами науки и медицины. Особенно интересуют международные дела: Иран, Афганистан, выборы в США. Переключаемся на события в Польше. «Дела сложные, где тонко, там и контрреволюция». Вспоминает о борьбе за утверждение социализма у нас в стране. Удивляюсь его неистощимому интересу к людям и событиям. Действительно, изумительно умение Шолохова говорить правду, открывать истину, проникать в сущность явления, видеть его корень. Чувствую, что время встречи истекает, а Михаил Александрович задает вопрос о молодых, об их устремлениях, о близости к нуждам народа, его делам. Прощаемся. Просит передать добрые пожелания молодым читателям и литераторам. Выходим вместе с секретарем райкома комсомола Алексеем Чемикосовым, до этого работавшим в лесничестве. С гордостью показал на куст облепихи, высаженный им в прошлом году. «Опасался, не примется, а тут все растет». Рядом с давно плодоносящими яблонями куст выглядел еще незрело, но первые ягодки уже облепили его веточки, которые набирали силу, питаясь соками родной земли, и тянулись в небо.

Герои Шолохова жили, боролись и умирали на земле, изредка они обращали свой взор к небу, где гремят грозы, проплывают облака,

проносятся ветры и откуда светит им месяц — казачье солнышко, Млечный Путь, нарядно перепоясавший небосвод.

Туда, в небо, поднимается хвостике пыли, когда приходит весть о войне и там, в дымной мгле суховея, видит Григорий Мелехов ослепительно сияющий черный диск солнца.

Провозвестником новой эпохи спустился с небесных высот на Землю Юрий Гагарин, но был он таким же земным, простым, человеческим, ощущающим все боли века, как и герои Шолохова.

Чувствовалось, что в нем видел писатель взлет Родины — будущее земли, неизбежное торжество разума, поэтому столь внимательным и добрым был его взор, обращенный к сыну неба в те июньские дни.

ВЫБИРАЯ БУДУЩЕЕ

«Выбор» Ю. В. Бондарева пришел к нам в тот момент, когда мы испытываем большое влияние научно-технической революции, невиданного потока информации, усложненности знания и образования. Происходит улучшение нашего материального благополучия, благотворно сказываются общественно-социальные и международные изменения (например, ликвидация последствий культа личности, устранение волюнтаризма и субъективизма и т. д., принятие Конституции, неотвратимость и безальтернативность курса на разрядку, мир, мирное сосуществование).

Действительно, в обществе с каждым годом все больше людей образованных, профессиональных, умеющих делать свое дело и овладевших другими специальностями, воспитанных, обладающих широким диапазоном увлечений. Все больше и больше создается возможностей для раскрытия способностей человека, для принятия им неоднозначных решений. Чувствуется, что возросло количество всесторонне обдумываемых решений... Хотя мы и сегодня нередко расплачиваемся за безразличие, несогласованность, лихость, безалаберность, разгильдяйство и безнравственность в действиях отдельных, да и не только отдельных лиц. Ясно, что появление «Выбора» сегодня объективно не случайно. Роман не мог появиться раньше, у него бы не готовы его воспринять двадцать, тридцать лет назад. Не было раньше условий этого появления, не было потребности осмысливать столь многие варианты решений, не было особого спора, а было бы единодушное отрицание. Сейчас роман вызывает споры, у него наряду с суровыми критиками есть и масса доброжелателей, сторонников, объективных ценителей. Значит, его появление, хоть и неожиданное для многих, долгожданно, закономерно, а для кого-то, возможно, все же несколько преждевременно, раньше предполагаемых сроков. Отнесем все это за счет интуиции и прозрения писателя.

Если проследить сюжетный ход романа, то он сводится, пожалуй,

к тому, что приехавший в Венецию с женой Марией художник Васильев встречает своего старого друга Илью Рамзина, которого он считал погибшим во время войны. Васильев восстанавливает подробности своей милой довоенной жизни, сурового начала войны, той трагической ночи, когда ушел на гибель Илья. Возвращаясь в Москву, Васильев испытывает тревогу, в нем растет недовольство своим творчеством, он чувствует разлад с женой, узнает о трагедии дочери. В Москву, после многолетней затаенности и молчания, приезжает Илья Рамзин (ныне господин Рамзэн). Он, сдавшийся в плен во время войны и оставшийся за границей, едет на поклон и отпущение грехов. Наверное, самая сильная сцена романа — его разговор с матерью Раисой Михайловной. Не своей смертью, а этим холодным рассудочным возвращением после десятилетнего расчетливого молчания он испепелил сердце матери. Непрощенный, непонятый, духовно мертвый, он отвергает сам себя, кончая жизнь самоубийством.

Роман, хотя и не густо, населен и другими несущими философский заряд персонажами: мучающийся от собственной бесталанности Колицын, циничный в своем многословии и всеоправдании режиссер Щеглов, испытывающий благотворное влияние родного народа правдолюбец Лопатин, надломленная первой схваткой с трагической действительностью дочь Вика и несколько бестелесная на этом отрезке жизни жена Мария.

Но вот что интересно: возникает впечатление, что основная философия романа не столь и привязана к сюжету произведения, она как бы разлита во всей его атмосфере, стоит за поступками героев и выступает тревожным авторским камертоном века.

И эта тревога — совесть — является чувством ответственности перед людьми, перед нашей великой идеей, пониманием неизбежности борьбы с подлостью, цинизмом, разложением, порнографией духа.

Васильев понимает, что ему не отсидеться в своей красивой клетке искусства, какие бы он ни создавал шедевры. Это может как раз сделать бесталанный и бесчувственный Колицын, за своими словесными конструкциями скрывающий безразличие и равнодушие к людям, их бедам и страданиям. Карл Маркс, завершая работу над «Капиталом» писал, что этому труду он принес «в жертву здоровье, счастье, семью». И добавил: «Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о собственной шкуре».

Этика нашего общества осуждает мещанина, делает совесть одним из важнейших факторов жизни общества. Поэтому столь импульсивен, раздумчив и встревожен Васильев. Он в невидимых для других муках и страданиях, в нем назревает «состояние перемен», он чувствует необходимость нового нравственного выбора, выхода из состояния благополучия и безмятежности. Васильев — истинный

русский интеллигент, хотя и убаюкавший себя на время. После войны он сделал выбор, посвятив искусству всю свою жизнь, полностью отдав себя во власть красивой и зыбкой живописи. Здесь он наслаждался творчеством, здесь же родилось самоуспокоение, здесь он утончался в своих эстетических чувствах и черствел для других, возвышаясь в профессиональном умении и отрываясь от Человека. И в отместку за это жизнь обнажила иллюзорность его счастья: отчужденность Марии, трагедия дочери, смерть отца (а не Ильи) как высший укор его неблагодарности.

Чтобы обрести себя, предстоит снова возвращение к людям, к своему народу. Вместе с ними снова пойти дорогой горя и радости, почувствовать свою нужность. Искрой, освещающей этот поворот на полный боли и вдохновения путь является сцена в конце романа, когда на кладбище, где похоронили Илью, Васильев встречает убитого горем парня, его жену и редкую толпу молодых людей с авоськами в руках. Его снова, как в далекие годы, охватывает боль сопереживания и единения. «...Васильев вдруг испытал такую родственную, такую горькую близость с этим потрясенным светловолосым парнем, с этой некрасивой, дурно плачущей молодой женщиной, со всеми этими обремененными авоськами людьми на дороге, как если бы он и они знали друг друга тысячи лет, а после в гордыне, вражде, зависти предали, безжалостно забыли одноплеменное единокровие, родную простоту человечности...» Кажется, именно в этом сближении, устремленности друг к другу и ждет Васильева возрождение.

Роман Ю. Бондарева говорит о многом, он четко определяет, что беспринципный выбор даже перед лицом гибельной опасности не приносит оправдания в будущем, ведет к душевному распытию, распаду.

Некоторых читателей не удовлетворяет то, что Васильев, главный герой романа, не отвечает на многие вопросы. Но он и не может иначе. Он только сейчас осознает свое новое состояние. Да и жизнью его творческой натуры руководит чаще чувство, а не логика. Тут уж мы должны опираться на свой опыт и знания и кое-что домыслить.

Один студент, горячий сторонник романа, сказал, что писатель и не должен законченно оформить показ изменений в общественных процессах и явлениях. «Ведь, скажем, Тургенев, — продолжал он, — чье мировоззрение было ограничено рамками своего класса, не мог полностью осознать и тем более принимать революционно-демократические тенденции в обществе, но согласитесь, что «Отцы и дети» в художественном смысле донесли дыхание происходящих изменений более ярко, чем некоторые основанные на фактическом и документальном материале произведения».

Конечно, аналогия всегда прямолинейна. Да и речь идет о другой социальной системе, в другом веке, когда изменения в обществе, в психологии людей накапливались более медленно и проступали

более зримо и выпукло. Поэтому аналогия и относительна. Но она верно выявляет зоркий философский взгляд, которым должен обладать писатель, пытаясь выяснить одну из главных проблем времени, когда выбор стоит перед многими, когда над ним все чаще задумываются. «Вся жизнь — бесконечный выбор, — думает Илья... — Все совершается после выбора: любовь, война, убийство». И это качество — умение выбирать — человек должен приобретать постоянно. Философский роман, роман-предупреждение, роман вечных вопросов жизни, как мне кажется, обращен с надеждой и предупреждением к молодым.

Молодому, вступающему в жизнь человеку надо учиться делать осознанный, подчиненный принципу, идее, делу своих отцов, чувству будущего, самостоятельному вкладу в жизнь, бесстрашию и долгу, даже интуиции выбор. От того, каков этот выбор сегодня, во многом будет зависеть будущее.

НА БЕРЕГАХ ВЕЛИКОЙ РЕКИ

Как часто не успеваем мы туда, где нам надо быть по высочайшему долгу сердца. Как нередко мешают нам проявить чувства признательности какие-то второстепенные обстоятельства и преграды. Как не хватает нам времени сделать низкий поклон тем, кто снарядил нас в жизненную дорогу, снабдив знаниями и верой.

Поэтому-то и вызывает щемящую боль, воскрешая видения памяти, «Последний поклон» В. Астафьева, и грустно отзываются в душе последние строчки книги: «И живет в сердце вина. Гнетущая, тихая, вечная. Виноватый перед бабушкой, я пытаюсь воскресить ее в памяти, поведать о ней другим людям, чтоб в своих бабушках и дедушках, в близких и любимых людях отыскали они ее, и была бы ее жизнь беспредельна и вечна, как вечна сама человеческая доброта... Я знаю, бабушка простила бы меня. Она всегда и все мне прощала. Но ее нет. И никогда не будет. И некому прощать...» «Шло время. Я терял близких людей, и всякий раз, оставаясь жить на земле дольше, чувствовал не только вину перед ними, но и желание рассказать о том, что это были за люди и как печально, что их не стало».

Двадцать лет писалась эта книга. Рассказы и картины жизни появлялись «вразброс», как сказал автор, когда он еще не знал, что это «часть продолжающейся во мне книги». Памятный поклон от него идет в далекие годы детства и молодости.

Сколько уже написано о детстве, и о тех годах, которые называются юностью? Много. И еще больше будет написано. Цепь жизни: рождение человека — детство — юность — любовь, страсть, старость — смерть — извечна и постоянна. И в ее первом звене человек

постигает мир, сохраняя радостное предчувствие будущего, оптимизм и открытость.

В эти годы происходит второе рождение человека — утверждается в нем трудолюбие, честь, доброта, умение себя отстоять. Или входят в его душу другие понятия и представления о жизни. И как же нелегко детскому и юношескому уму разобраться в действительных человеческих ценностях, проверить их на весах поступков и времени, научиться отличать их суть от формы.

Старшие знают, что всякое жизненное правило, облаченное в любые слова, много не значит, если оно не проверено временем, не устояло в соприкосновении с практикой. Умению проверять истинность слова, различать оттенки жизни, постигать действительную ценность отношений и учиться человек в юности и детстве. Но как не просты впечатления этой детской жизни, и какой жизненный курс закладывают они! «Последний поклон» об этом отрезке человеческой жизни, всегда привлекающем внимание читателя. Можно вспомнить, как после опубликования «Детства» Горького появились десятки отзывов, оценивающих публикацию как одно из выдающихся произведений нашей литературы. «Книга Ваша хорошая, совестливая», — писал М. Пришвин, положительно отзывались о ней И. Сытин и И. Мечников, А. Блок, Р. Люксембург. Молодого Д. Фурманова поразила картина зачатки и воспитания жизнью характера маленького героя книги. «Есть в нем инстинкт живой жизни, есть... стремление цепляться за корень и не дорожить тем, что прилипает, приклеивается по сторонам».

Нет, детство было далеко не благодно, в нем отражалась вся жизнь, раскрывалась подлинная картина общества, его конфликты. Это и не нравилось либерально-буржуазной критике. Декадентского писателя Федора Сологуба передергивало от «Детства» Горького.

«Читаешь и досадуешь. Невольно вспоминается благоуханное детство Льва Толстого. По контрасту такое злое и грубое это детство. Дерутся, бьют, порют... Какой-то сплошной садизм, психологически совсем не объясненный... Все ждешь, что в темные узкие души этих людей прольется свет творящего искусства...»

Да, многое видно через призму детства, многое воскрешает оно. Хотя и не воспринимается «Последний поклон» как какая-то особая, детская литература. Многоголосие этой повести поразительно. И не только потому, что написана она в разные годы, но и потому, что авторская память заставила зазвучать, оживила необыкновенно выразительные голоса его земляков, высказала неповторимое звучание времени. Суровые и скорбные мотивы повести перемежаются озорными частушечными напевами. К основной авторской мелодии присоединяются затейливые подголоски, и сама она разветвляется на отдельные голоса, то выходящие на первый план, то затихающие для того, чтобы уступить место другим. И воспринимается повесть как

широкая, раздольная народная песня, так трогающая нашу душу. Ведь недаром академик Б. А. Асафьев особо выделял из всех форм русского народного творчества **протяжную** песню, считая ее «одним из высших этапов мировой мелодической культуры».

Звучание «Последнего поклона» слышится долго после окончания чтения, но один постоянный и утверждающий мотив особенно запоминается. Это мотив Великого Енисея...

В почте, с которой меня однажды познакомил Михаил Александрович Шолохов, было письмо от одного из сибирских его поклонников. Он писал: «Неповторимая по красоте поэма о Тихом Доне навечно вошла в золотой фонд мировой классики. Мы, советские люди, полны гордости, что русское имя ее автора, нашего соотечественника, стоит рядом с таким выдающимся именем, как Шекспир... Прочитав «Тихий Дон», невольно скажешь: «Да, я был там, искупался в этой реке, видел донские степи и дышал чудесными запахами цветов. Я беседовал с казачками и замечал острый Аксиньин взгляд... Сибирь — сказочно богатый край, и сибиряки достойны высокой чести. И мы доброму завидуем, что такая песня сложена о Тихом Доне. И мы грустим, что такой песни еще никто не написал о могучем богатые Енисее». Думаю, сегодня мы можем сказать, что у сурового и раздольного Енисея (безусловно, речь идет и о всем Центральносибирском крае) есть певец с тревожным, берущим за душу голосом, с грубоватым, лишенным салонной изысканности, крепким и звучным, достигающим далеких окраин словом. На литературной карте страны наряду с миром людей раздольной Волги, тихого Дона, седого Днепра, полноводной Лены, благородной Невы полно и четко обозначился и многострадальный Енисей с его суровыми и жизнестойкими, добрыми и страдающими людьми.

Енисей — многозначный символ. Он связывает воедино жизнь тысяч, вбирает историю, опыт, человеческие страсти, объединяет людей, вводя их в единое русло. Так Фокинская речка прибежала к нему, «споткнулась о его большую воду и, как слишком уж расшумевшееся дитя, пристыженно смолкла. Тонкой волосинкой вплеталась речка в крутые, седоватые валы Енисея, и голос ее сливался с тысячами других речных голосов, и, капля по капле накопив силу, грозно гремела река на порогах, пробивая путь к студеному морю, и растягивал Енисей светлую ниточку деревенской незатейливой речки на многие тысячи верст, и как бы живую жилой деревня наша всегда была соединена с огромной землей».

Не пасторальные пейзажи и лубочные красавчики наполняют книгу. Нет, это полные плоти и человеческих страстей русские люди, умеющие до изнеможения потрудиться и столь же изнуряюще погулять в выпавший для веселья день. Здесь, в селе, рядом уживались люди домовитые, державшиеся своим трудом на земле,

и разного рода захребетники, люди ветреные, не склонные к устойчивому труду. Нет, не успокаивающее, не благостное впечатление оставляла деревня да и все места «Последнего поклона». Не благостное, но и не мертвое, не придуманное, не литературно сконструированное. Кипела там жизнь, бушевали страсти, накатывались крутые перемены, все было непросто и нелегко. Но так было и будет, и как хотелось, чтобы было с меньшими страданиями и горестями, чем у тех, кому поклонился автор. Тоскующий и болезненный, несущий луч далекого озарения Вася-поляк, расторопный цыганистый Мишка Коршунов, сумевший быстро сообразить, что надо спасти гусей, чем и укрепил в детских душах отзывчивость; хороший, добрый человек Кольча-младший, приносящий в семью тонкость человеческих отношений; дядя Филипп — судовой механик, — за гордость и невозмутимость не любить которого было нельзя; семейство дяди Левонтия, своим бездумно ухарским отношением к жизни умевшее запутать самую простую ситуацию и распутать самую сложную; справедливый, застенчивый учитель, всегда готовый помочь в беде, облегчить и улучшить людскую жизнь; страстный рыбак, насмерть повязанный с рекой, заразивший своей отчаянной тягой к ней дед Павел; накормившие в голодный день и, может, сохранившие жизнь учительница Раиса Васильевна и официантка Аня; гуляка и покоритель женских сердец, добряк и широкая душа дядя Вася; зажегшая огонек во тьме военной метели конюшиха Дарья; бакенщик Миша, как бы перевезший автора от войны, ее смертей и страданий к мирному берегу забот и болей.

Да сколько их, этих простых, мудрых, сильных, слабых и разных людей, коим хочется поклониться вместе с автором за то, что были они, трудились, мучились, смеялись, пели, рыдали на берегах русских рек, боролись за жизнь и отстаивали ее для нас на бескрайних дорогах мира.

А жизнь, конечно, непроста и далеко не всегда поддается толкованию входящего в жизнь юного героя.

Он учится основам человечности, правилам общения, добролюбию и способу поведения в различных обстоятельствах жизни. Близкие люди преподносят ему уроки, воспитывают душу, ранят ее и лечат ее.

Мягкая, прозрачная музыка Васи-поляка разбудила тоску, жаль, тревогу и боль в душе у деревенского мальчишки. Его набухшая от созерцания природы душа, не истерзанная мельканием скоропроходящих городских впечатлений, может быть, именно в этот вечер потянулась ростком к свету прекрасного, истинного вслед за исчезающей в дали «тонюсенькой светлой паутинкой музыки».

Может быть, в этот вечер, на фоне стонущей, сочившейся кровью, скорбящей музыки и проснулась у мальчика великая любовь к родной земле и стали наполняться великим смыслом слова Васи-поляка: «Если у человека нет матери, нет отца, но есть Родина, он еще не

сирота... Все проходит: любовь, сожаление о ней, горечь утрат, даже боль от ран проходит, но никогда, никогда не проходит и не гаснет тоска по Родине».

Писатель мастерски показывает взросление характера мальчика, наполнение его сведениями, фактами и, главное, действиями взрослых и собственными поступками. Вот разбудила его зорька-зорянка, и окунается он в мир росистых трав, красных огоньков земляники и яркой зари, разметающейся по всему небу. А в тайном, имеющемся у каждого мальчишки уголке за сеновалом в углу огорода «косил» он обломком ножика и «метал стога», гнул сани и дуги из ивовых прутьев и здесь же, посадив в первый раз саженец, усвоил одну из великих философских истин всех человеколюбцев, высказанную деревенской бабушкой: «Деревья, батюшко, растут для всех». Спасая из полыни диких гусей, подобравшись к ним по гибкому трескающемуся льду, мальчик понял, что за доброе дело всегда нужно заплатить, переступив какой-то очередной порог своего страха и представления.

Вереница человеческих характеров проходит перед читателем в «Последнем поклоне». Все они запоминающиеся и яркие, но для автора это не литературные персонажи, с которыми можно поступать как заблагорассудится. Нет, это они поступают как хотят, оставляя порой всех нас в растерянности перед собственным своеволием, логикой своих поступков. Конечно, мы понимаем, что обстоятельства иногда сильнее и история берет на излом, ломает вроде бы годами создающиеся контуры, но упорны сибиряки и часто поворачивают жизнь по-своему, пытаются утвердиться в ней.

Память автора хранит многие дорогие подробности, близкие сердцу образы окружающего. Многократно повторяемые в прошлом, они составляли традицию, укладывались в определенный ряд, строили окружение, сцеплялись с внешним миром, что создавало образ Родины, родной земли. Но не у ушедших просит искать защиты мудрый человек — бабушка: «Ты избавления у свет покинувших не ищи — всякое довольство, всякое успокоение от живых... Вот живым и служи, дак сам жив будешь». Эта не кончавшая вузов со всеми курсами современных наук по проблемам воспитания, педагогики, психологии, прошловековая старушка просит и наставляет внука: «...родную землю почитайте, за ее держитесь, помятуйте... Забудешь родну землю, могилку мамкину да дедушкину покинешь — вовсе завертит тебя смерчем-бурею, ни годов, ни дней не заметишь, осыплешься на землю дряхлой, старой, одинокай, остановишься над обрывом, ни зги, ни голосу, ни духу живого, ни дна, ни покрышки... Это и будет тебе предел. Своеручный ад. Какой сотворил — такой получи!». Жуть, действительно.

Недавно вышла исключительная по своему глубокому проникновению в воззрения, дух, быт и историю славянских народов книга

академика Б. А. Рыбакова «Язычество древних славян» (М., 1981). Мне кажется, к книге будут обращаться не только историки, этнографы и лингвисты, она хранит сокровища для искусствоведов, художников, модельеров, наконец. В ней пища для ума пытливого, устремленного в даль будущего и прошлого. Академик Б. А. Рыбаков пишет и доказывает: «Глубина народной памяти измеряется десятками тысячелетий». Дух захватывает от этого исторического пласта, на котором вращивается вся наша культура, быт, хотя «нам очень трудно уловить тот исторический момент, когда исчезает содержание того или иного символа и когда начинается бессознательная традиция, сохранение одной внешней формы без знания смысла изображаемого». Может, вот это следование лучшему в народе, накопившемуся за века в людях, и есть тот неуловимый для пришельца народный дух — дух народа, о котором, то отрицая его, то призывая, нередко говорят критики, литературоведы. И этот высокий дух народа и чувствуем мы, читая книги В. Астафьева.

Есть люди, которые бы хотели, чтобы у их окружения было неукоснительное следование высоким принципам и чувствам. Чтобы они могли безусловно рассчитывать на доброту соседа, на честность друга, на исполнение долга сослуживцем. Сами же они этому не следуют, предпочитая выгоду расчета и себялюбие в поведении и попросту занимаясь эксплуатацией чувств других, получая прибавочную стоимость от этого в виде душевного комфорта и непоколебленной совести. Автор «Последнего поклона» не таков. Он, получив клад богатства добра и любви, хочет возвратить его людям.

Раньше в колдовском селе детства, вспоминает автор, люди, и особенно девки, верили в тайну травы **любки**, настой которой привораживал любимого и давал высокое и простое счастье. Как хочет и он дать напиток добра и человечности всем: «Да я бы по всем лесам и болотам собирал любку, дни и ночи настаивал ее корешки и не рюмкой, а ковшом поил бы людей, только чтоб одумались они, преисполнились уважения друг к другу, поняли бы, что любить и страдать любовью — и есть человеческое назначение, или веление божье, или еще там что-то такое...»

И чувствуется, что не только поклон в прошлое шлет автор, а благодарность за ту великую школу жизни, за вечность человеческой доброты, которые помогли выстоять в годину тяжелых испытаний.

Иногда кажется, что книга уже закончена, автор сказал все, поклонился всему, вспомнил все. Но зацепилась его память за соевые конфеты войны, или отозвалось в его душе приворотное зелье — и вот уже продолжает он свою повесть, которая кажется уже несколько не о прошлом, а о сегодняшних делах, страстях и мыслях. Да и кончена ли книга? «Теперь-то я знаю: самые счастливые игры — недоигранные», — пишет автор в «Гори, гори ясно», — самая чистая любовь — недолюбленная, самые лучшие песни — недопетые...»

И наверное, любимая книга недописанная.

Верю, не раз еще отвергнет писатель темное и злое, не раз еще поклонится всему доброму и человеческому, творимому на берегах Енисея, во всех наших краях, на всех землях.

ПРОЗРЕВАЯ ВЕКА

Давно уже хотелось прочитать исторический роман не этнографического свойства и бытописания, а панорамного взгляда, всеохватывающего мышления. И вот, кажется, это произошло. В нескольких книжках «Нашего современника» опубликован роман-эссе «Память» В. Чивилихина, сейчас он опубликован и отдельной книгой.

Владимира Чивилихина мы узнали хорошо в шестидесятые годы, когда он со страстью подлинного журналиста разворачивал перед читателем проблему Кедрогора, хозяйского и бережного отношения к лесу. Молодой писатель, умело и страстно продолжая замечательную традицию русских писателей по сбережению природы, заботился и о «братьях наших меньших» и «о зеленом друге». Известно, что задолго до того, как на Западе прозвучали тревожные голоса об экологическом кризисе, Л. М. Леонов выступил в защиту русского леса. Не все сразу поняли историческую важность призыва. Многие отмахивались, почитая за блажь эту тревогу. Да и предполагалось, что богатств этих у нас несметное количество. Время показало, сколь своевременно было это предупреждение. Думалось, что Владимир Чивилихин будет следовать этому благородному и генеральному направлению. Действительно, в его повестях и путевых заметках, очерках и романах природа не фон, на котором разворачивается событие; она действующее, страдающее и облагораживающее лицо. Она ставит нам вопросы, а писатель ищет вместе с нами ответа. Появлялись «Елки-моталки», «Повесть про Клаву Иванову», «Серебряные рельсы», цикл статей «По городам и весям», и вместе с ними углублялась мысль, чеканней становился образ, точнее слово писателя, да просто иногда обнаруживался такой взгляд, такой поворот, который открывал жизнь с неизведанной стороны. Казалось, на этом пути живительного взаимодействия человека и природы, его нравственного долга и будет расти и крепнуть талант писателя. И вдруг, неожиданно для многих — «Память». Что так переполнило сердце писателя? Почему этот внезапный поворот от животрепещущих тем современности в глубь веков, на эту выставку полузабытых и неизвестных фактов и событий, в архивную даль летописцев? Мода, увлечение? А может, отработка стиля, упражнение, должествующее показать личное умение?

Нет, не закрадется, однако, такая мысль знающему писателя и его творчество. В. Чивилихин не скрывает, что находится под духовным и творческим обаянием Л. М. Леонова. И если проследить творчество последнего, то можно не раз увидеть его обращение к истокам, уяснить глубинное чувство историзма у Леонида Максимовича. Именно он вместе с другими гигантами отечественной культуры, — П. Коринным, С. Коненковым, — написал в 1965 году знаменитое письмо-обращение к молодежи «Берегите святыню нашу!», напечатанное в «Молодой гвардии». После целого ряда лет волонтаристского подхода к истории в те годы снова восстановилась связь времен, страна широко отметила двадцатилетие Великой Отечественной. Молодым становилось ясно, что историческая память, память о героическом, революционном минувшем, о прошлом нашего Отечества — один их краеугольных камней, на коем оно и покоится. И в романе видится, как много лет вынашивал писатель замысел: освятить героическую борьбу воителей и ратников Древней Руси, ставших насмерть на пути тогда еще непобедимой Орды, как собирал он по крупице знание о черных днях ига, о копившихся силах, как распутывал хитросплетения истории, разбивал заблуждения. И его знание превратилось в оружие, коим еще раз уничтожалась ложь и защищалась истина. Включив в круг своей памяти недавние имена и события, через интерес к своей родословной, истории знакомых людей, погрузился автор в «древнюю историю Центральной Азии и бездонную пучину Русского Средневековья», где показал он себя кропотливым собирателем, глубоким исследователем, страстным поборником истины и великолепным рассказчиком-просветителем. Для него смысл того, что он рассказывает, заключен в следующих словах: «Давно ушедшие люди с их страстями, помыслами и поступками, движения и продолжения народов, царства и кумиры, великие труды миллионов, моря их крови и слез, разрушающее и созидательное, пестрые факты, широкие обобщения, разноречивые выводы — в этой бездне минувшего так легко и просто потеряться, растворить себя в том, что было и больше никогда не будет, а поэтому будто бы так легко и просто обойтись без всего этого, прожить оставшееся время сегодняшним днем, найдя радость в честном заработке на кусок хлеба для своих детей. Однако память — это ничем не заменимый хлеб насущный, сегодняшний, без коего дети вырастут слабыми незнайками, неспособными достойно, мужественно встретить будущее». Вроде бы просто: описал путь Батыевой конницы (а вернее, войска, ведомого хитрым, умелым и коварным полководцем Субудаем) от южной Рязани через Владимир, Москву, Торжок на Новгород. А потом поворот ее на юг через Торжок, Козельск и уход в степи. А на самом деле сколько трагедий, ужаса, стон, сколько героизма, мужества, воинской смекалки, сколько забытых фактов, искаженных событий, неясных и поныне ситуаций. И над этим кровавым походом, — поднявшийся над

необозримыми просторами Руси и провидящий сквозь века писатель. Идет саранча чингизидов по Рязанской, Владимиро-Суздальской, Новгородской, Черниговской земле. И писатель обращается ко всем жителям и воинам, князьям и землепашцам; объединитесь, соберитесь, подтяните резервы, обратитесь к соседям, продержитесь еще неделю... Но в истории ничего нельзя изменить, ее можно только объективно восстановить, воссоздать более или менее точно события тех лет. И снова автор вместе с любознательным читателем поднимает из глубины веков события, склоняется над ними за столом исследования.

Обильны познания автора, а его уточнения — подлинные открытия или вызывающие трепет и волнения мысли-откровения, вдохновляющие гипотезы. А сколько правочувствительных и интересных для молодого, не избравшего историю своей профессией читателя отступлений! Хотя, пожалуй, и не отступления это, а основная ткань повествования. Ибо память — это то дерево, на котором размещается много ветвей. Пути исследования корней вятичей; и картина раннего славянского расселения; и поразительные зловключения первого русского китаевода Н. Я. Бичурина; исключительная, давно просящаяся в серию ЖЗЛ биография русского историка Татищева; встречи с современным витязем архитектуры, защитником красоты, древности, зодчим Барановским, чья жизнь — подвиг во имя спасения памятников России; захватывающая воображение экскурсия в историю светловолосого и голубоглазого народа дин-линов, жившего в древнее время на землях Енисея и Байкала и растворившегося в соседях; о принявших первый удар орды Чингиз-хана чжурчжэнях; исследования истории татар; опровержение доказательств о повороте войск Батыя от Новгорода из-за распутицы и т. д. Много всего важного и значительного восстанавливает в памяти писатель. И все это до чрезвычайности интересно и полезно для любознательного читателя. А другой, собственно, для этой книги и не нужен, хотя и он может быть увлечен поиском и превратился в заинтересованного и любознательного.

Возьмем набившее оскомину «приглашение норманнских князей на Русь». Автор показывает, как неумелое истолкование ловко превращается в теорию для обоснования неполноценности, неспособности наших предков к самостоятельному историческому развитию. А отсюда уже один шаг до введения своего «нового порядка», который не раз пытались установить поработители на Руси. Действительно, всем известна фраза из «Повести временных лет»: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет». Автор не идет за ней слепо: извлекает первоисточник — Ипатьевскую летопись и цитирует истинные слова: «вся земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет», где слово «наряд» истолковывается в соответствии с его старым (да и сегодняшним) смыслом «распорядок», «справедли-

вость», «руководительство». Кажется, и не стоило бы метать столько громов и молний против тех, кто еще до М. В. Ломоносова установил монополию в отечественной академии и провозгласил тезис о неполноценности средневековых славян, русских. Они утверждали, что «дикие, грубые, рассеянные славяне начали делаться людьми только благодаря посредству германцев...», то есть рюриковичей и им подобных. Но теоретическая нить расового превосходства, которая тянется от псевдоученых, вырастает в петлю виселицы у дорвавшихся к власти политических маньяков, что кроваво подтвердили «неонорманисты» — Гитлер и его ублюдки. Вот как оборачиваются не развенчанная в свое время «теория». Нет, не безобидны они, исторические теории, предаваемые забвению факты, умолчания и искажения истины. С их помощью можно возбудить ненависть, вызвать страх, посеять вражду, рассеять недоверие, укрепить дружбу. Для молодого поколения, которому, как мне кажется, предназначен этот поистине исторический роман, он «сокращает опыт быстротекущей жизни». Действительно, поражаешь этому умению автора «сократить», то есть сжать, многие события и годы до четко обозримого ядра истины, обозреть события на протяжении многих веков и, выстроив их в ряд, показать нерасторжимую «связь времен», а охватив взором гигантские пространства Великой Руси и Великой Степи, Монголии и Китая, Алтая и Сибири, Европы и Персии, Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, он показывает, как близки наши земли, как взаимопроникаемы народы, языки, обычаи, нравы, как волны исторических событий, зародившись у берегов Желтого моря, бьют прибоем на Адриатике...

Понятно, что перед нами не бесстрастный накопитель фактов, его душа надрывается при виде княжеских междоусобиц, штурме Владимира, гибели светловолосых полонянок. Он не может простить забвения или небрежения. Небрежение героизмом прошлого и искажение фактов, по его мнению, шаг к отступничеству в настоящем. И здесь в нашей истории немало примеров тому. Вспомним, еще недавно находились те, кто вдруг «открывал», что залпа «Авроры» не было, что Красная Армия не создана под Псковом и Нарвою, ибо не сражалась там, что не было никаких героев-панфиловцев и Олег Кошевой не возглавлял «Молодую гвардию». И это в то время, когда живут еще ветераны, не покрылись архивной пылью оперативные донесения и карты, когда даже враг оставил безусловные свидетельства могущества воинов и подпольщиков. «Если истину искажают, значит, это кому-то нужно» — грворит пословица. Исказившие истину в большинстве своем скоро подались за границу, и тогда предельно ясно стало, кому нужны были это искажение истины и клевета.

Авторское кредо тут совершенно ясно и непоколебимо, да и легче его сейчас провозглашать и утверждать, чем пятнадцать лет назад, когда волюнтаризм не только не создавал заслон субъективизму и искажению истины, но и способствовал ему. Немало воды утекло

с тех пор. Смыла она мусор и хлам многих субъективистских построений и выводов.

Спасибо тебе, автор романа, за открытие для нас, любознательных и многочисленных читателей, потомков многих народов нашей страны, героической и мужественной обороны «злого» для батыйцев города Козельска и Торжка. Поистине это был факел вдохновения в черной ночи нашествия. Как хочется крикнуть через столетия нашим предкам: «Не выходите за стены!», а их соседям: «Спешите на помощь!»

Мы и раньше знали об этом героическом факте. Но столь яркая, впечатляющая и запоминающаяся картина обороны Козельска предстала перед широким читателем впервые. Не верю, что она не вдохновит археологов и историков на продолжение исследования, думаю, что живописцы появятся на берегу Жиздры, а кинематографисты наконец-то сделают за последнее время хоть одну героическую ленту о борьбе с «восточной ордой». Конечно, можно спросить у автора, а остановила ли оборона Козельска и Торжка нашествие на Русь, уберегла ли от разорения Киев, Чернигов, Курск, Нижний Новгород, Муром и другие города. И автор должен ответить: нет, не остановила, не устранила врага и не убавила его напора и жестокостей. Но для Руси это был пример того, что хищного и, казалось, непобедимого врага можно побеждать и низвергать. В каком-то смысле сражение при Козельске можно сравнить со сражением при Ельне в годы Великой Отечественной войны, когда Красная Армия познала вкус победы, почувствовала, что немцев можно бить. Были, конечно, потом и отступления до Москвы и Сталинграда, но этой небольшой ельнинской победы все мы, кто жил в то время, забыть не можем. Так не дано же нам и забыть сражения при Козельске, на героических стенах которого видны отблески Куликовской битвы...

Конечно, есть в книге и не совсем убедительные места, усложнения и даже повторы, но это опять все по законам памяти, вспыхивающей то сильнее, то слабее от соприкосновения с фактами. Я думаю, что профессионалы — специалисты по данному периоду, наверное, еще вступят в научный спор с автором и их спор родит всеобъемлющую истину.

Но главное, молодой соотечественник получил книгу, в которой для него оживут многие неизвестные страницы истории, четко обозначатся исторические личности, станет ясной великая цена, которую заплатили наши предки, чтобы мы жили сегодня. Спасибо тебе, автор, от тысяч любознательных читателей, ты возбудил их мысль, породил гордость, желание узнать новое, ибо, как сказано в романе: «Память — животворная сила настоящего, она полнится подробностями, влечет нераскрытыми тайнами, глыбится в умах и сердцах великими свершениями предков, зовет быть достойными их!..»

НЕСТИХАЮЩАЯ СОВЕСТЬ ПИСАТЕЛЯ

С Василием Ивановичем Беловым довелось мне познакомиться на земле Тихого Дона, когда в 1967 году Михаил Александрович Шолохов встречался в Вешенской с группой молодых писателей. Скажу честно, бросился Белов в глаза не сразу — ведь все мы старались не пропустить слова и жеста великого писателя да окружали плотным кольцом первого космонавта Земли, неведомо по каким законам везения для нас оказавшегося здесь. Все было интересно, вдохновляюще и как-то по-особому радостно. Помню, как украинец Юра Мушкетик, сорвав веточку чебреца, вдохнул и тихо сказал, глядя на излучину Дона: «А ведь я все здесь знаю, не был ни разу, а все родное...»

И в этом светлом состоянии Василий выделялся каким-то постоянным напряжением, он как бы все время порождал вопросы к собеседнику, переспрашивал, сомневался, кипятился в споре и, казалось, был все время чем-то недоволен. И только позднее, ближе познакомившись с ним, я понял, что он и не мог быть удовлетворен, потому что мыслью своей он был на вологодских землях, где еще немало следовало приложить сил, ума и средств, чтобы в деревне жизнь была такой же нормальной, как здесь, на юге России. Наверное, и в этом тоже была его писательская натура, о которой он позднее писал: «По моим понятиям, писатель — это очень впечатлительный человек, не обладающий естественной для человека способностью забывать и вынужденный освобождаться от непосильного груза своим способом. Писателями становятся вовсе не от хорошей жизни. Признак настоящего писателя в наше беспокойное время: нестихающая совесть. Способность прощать всех, кроме себя».

В прошлом, да иногда и сейчас, читая некоторые книги, просматривая кинофильмы, не раз приходилось по-хорошему завидовать читателям и зрителям тех наших национальных республик и областей, в которых писатели и кинематографисты с искренней любовью и восхищением показывали свой народ, добрых, простых, трудолюбивых людей, их быт и чувства.

Иной же наш «изобразитель народного быта» представлял вольно или невольно русских людей как скопище пьяниц, ворюг, врунов и подхалимов, способных поклоняться только рублю, бутылке водки. И все это выдавалось за глубинный реализм, который-де восторжествовал после десятилетий приукрашиваний и розовости в нашей литературе, журналистике, кино.

Нет, не реализм это, а в лучшем случае непонимание, неумение разобраться во всей сложности социальных, нравственных, психологических явлений времени, нежелание увидеть за непритязательностью быта, еще во многом не устроенной жизнью истинное лицо ее хозяина, а часто и просто нелюбовь к нему, этому русскому человеку, который

вынес основную тяжесть борьбы с фашизмом и который трудится, живет и любит на своей земле.

Василия Белова при всем желании невозможно отнести к сусальным иконописцам. Жизнь в его рассказах и повестях встает во всей сложности и противоречивости. Его герои движутся в жизни не по накатанной мостовой. Да нередко и сама цель — смысл их движения, к которой двигаться приходится через все дантовские круги «трех волоков» (в его одноименном рассказе) вдруг внезапно рассыпается, исчезает в лихолетье времени. Может показаться сначала, что вообще далекая Каравайка, к которой рвался Майор, — фата-моргана. «...Каравайки больше не было на земле. Где-то за тремя волоками неслись поезда и свистели ракеты, а здесь была тишина, и майору казалось, что он слышит, как обрастают щетиной его напрягшиеся скулы. Опять покрикал дергач, а луну пополам разрезало плоское слоистое облачко. Никто не услышал, как на гулкий широкий лист лопуха, теряя свинцовую свою тяжесть, бухнулись две холодные слезы».

Но не только сожалеет об уходящем автор, не только понятная печаль и горечь овладевают им при виде заколоченной избы, потухшего очага, заброшенной деревеньки. Он находит силы в себе и у своего лирического героя, чтобы жить. Ведь не ответишь же сразу на все вопросы, которые задает тебе жизнь. Ведь не решишь же все задачи, которые она ставит перед тобой. А не ответив на все и не решив все, — разобидеться на нее, безвольно опустить руки? Или, наоборот, громить все во имя отрицания прошлого и утверждения еще не осмысленного будущего?

«Ко всему прочему мы порой ограничиваем борьбу за новое всего лишь разрушением старого. Потому что, чтобы разрушить, зачастую требовалось меньше ума, чем сделать новое, не разрушив того, что уже было. Ах, как любят многие из нас разрушать, как наивно уверены в том, что войдут в историю!» — так мыслит лирический герой из рассказа «Бобришный угор». Этот едва ли не самый светлый и философский рассказ проникнут жизнеутверждающей верой. Куда как наивной кажется на первый взгляд мысль героя: «Нет, надо просто жить, раз родился, и нечего спрашивать, зачем родился, жить, жить, жить». Но она не есть отрицание творческого отношения к миру — она утверждение жизнелюбия и человеческой веры, пропущенной сквозь огонь испытаний. Далеко не каждому дано было бы сохранить подобную выдержку, человечность, готовность сделать что-либо для людей, пройти они школу жизни Ивана Африкановича из «Привычного дела» или Олеши Смолина из «Плотницких рассказов». Нервные окончания истории как бы заканчивались на них, рядовых «великой армии труда». Через них входили в организм страны животворные токи, они первые совершали действие, первые же ощущали боль и пламя эпохи.

Образ их жизни выглядит далеко не идеальным, их речь не точна и далеко не изящна, поступки вроде бы нередко нелепы, но ведь именно они, а не их суровые критики живут в Нечерноземье, именно они пахут и сеют на небогатых тамошних землях, именно в их семьях рождаются внуки, и, сохраняя мастерство предков, они рубят новые избы. Конечно, сейчас уже многое изменилось и в этих областях. Но ведь мы помним, что первые публикации Василия Белова кое-кем были встречены как анахронизм, попытка возродить патриархальщину, как неумение видеть перспективу. Белов, как и многие другие русские писатели, сумел своим творчеством преодолеть и недоумение некоторых критиков и трудности собственного творческого роста.

Сейчас уже нет сомнения, что в нашей русской советской литературе утвердился большой, самобытный, нравственно чистый писатель. Хотя, если быть откровенным, то изредка и сегодня звучат литературоведческие голоса, снисходительно упрекающие писателя в местничестве, преувеличенном увлечении говорами, приковывающие автора разнообразных повестей и рассказов к деревенской прозе. Ох уж это желание рассадить всех по сусекам, отодвинуть в далекую областную норку, чтобы не высывался пошехонский увалень на вселенские просторы, чтобы не претендовал на роль «выразителя», а еще пуще на книжные томики. Вот что касается последнего, то тут Белов щепетилен, и книг его выпущено, к сожалению, мало.

Сейчас уже ясно, что Василий Белов не «деревенщик», его перу подвластны и городские темы («Воспитание по доктору Споку»), и международные коллизии («Око дельфина»), и другие.

Мир человеческих отношений сегодня подвергается многим испытаниям. Тут и скорости века, и новые потребности, разрыв традиционных связей, и преобладание рационального подхода, ложно понимаемое служение принципу и беспринципность.

Все это грозит разрушением хрупкому состоянию взаимной привязанности и любви. Именно с этой площадки, отвоеванной человеком у животного мира, и теснят прораба Зорина («Воспитание по доктору Споку» и др.) неустроенность, озлобленность, необязательность, хамство, алкоголизм, подлость и обман. Да мало ли еще всего того, что способно выводить нас за пределы человеческого и что при всех контурах обычного поведения обрисовывает только человекоподобие личности, а не истинную высокую суть ее. Против душевной глухоты и ложной принципиальности, забвения святого родительского долга и интеллектуализированной пошлости восстает здоровая натура Зорина, но и он прощает себе те отступления в поведении, которые могут привести да и приводят к опустошению личности многих людей, не умеющих разглядеть зло и сопротивляться ему. Глубокий нравственный урок выносит читатель, прочитав эти городские истории («Воспитание по доктору Споку», «Свидание по утрам», «Чок-получок»).

В жизни надо обладать серьезным потенциалом любви, веры и надежды, и этот заряд станет долговременным и жизнеутверждающим, если люди будут не только наблюдать за обстоятельствами жизни, а будут стараться подчинить их своей воле, своей человеческой сути. Зорину иногда это удается, и будем надеяться, что именно на этом нелегком пути он сумеет найти многих сторонников, отвергающих ложные системы взглядов и поведения.

Нелегка жизнь у героев Белова, порой кажется, что на последний излом пробуют их обстоятельства. Не до смеха тут, даже улыбка вроде бы противопоказана. Но нет, бурлит острословие, крепка деревенская шутка, не раз попадает в конфузное положение подавшийся на «розыгрыш» горожанин. Известны всем «Бухтины» Белова, не под силу они еще нашим конферансье, которые ищут предмет для своих шуток только в парикмахерских и зоопарках, салонах эстрадных артистов и у постов ГАИ.

«Бухтины завиральные в шести томах» — истинный кладезь народного юмора, но ведь рядом с нами и невероятные истории Ивана Африкановича и всеиспеляющая донкихотская схватка Олеши Смолина с Авениром Козонковым из «Плотничьих рассказов», заканчивающаяся перед оторопелым автором мирным чаем. Да, и не боится писатель и его герои выглядеть нелепо, даже смешно. Права критик И. Стрелкова, когда писала в статье «Со смехом многое понимается»: «Не побояться рассказать о себе с невыгодными подробностями, выставить себя в невыгодном свете — черта русского характера, причем далеко не простая (возьмите хотя бы сказочного Ивана-дурака), однако многие со стороны и посейчас ошибаются именно на ней».

Действительно, самобытные и яркие характеры героев В. И. Белова немислимы без лукавого вприщур взгляда на жизнь, без ядреного завирального слова, без доброго юмора, которые помогают им бороться с равнодушием, безразличием и бездуховностью.

И еще об одной теме, которую по праву иногда соотносят с вологодскими писателями. Малая Родина. Не так уж давно на страницах литературных изданий провозглашалась несостоятельность этой идеи, а ее носители — близорукими безмасштабниками. Но литературная практика, да и сама жизнь, отстояла это право воспеть свою Малую Родину, чтобы через нее еще глубже постичь великий размах нашего Отечества, бесценность великой нашей Родины.

Все чаще и чаще возвращаются герои Василия Белова к истокам, прилетают на самолетах, едут на машинах, идут пешком к тем тихим лесам, малым речкам, небольшим деревушкам, скрытым за поворотом большой дороги. Раньше они за постоянной суетой забот и дел и не думали об этом, а просто ощущали «ровно и постоянно», что где-то есть их «Каравайка». Душу писателя не могли не тревожить боли родной земли. Он вместе с другими своими честными собратьями по

перу, партийными работниками и специалистами не переставал обращаться к теме возрождения центральнорусского села. И позднее, когда вышло постановление Центрального Комитета нашей партии по Нечерноземью, как оказалось, были правы те, кто не лил елей и паточку благополучных сообщений о состоянии дел в этих районах страны. И в этой борьбе за преобразование Нечерноземья тоже есть тяга к истоку, которой сильны наши люди. «И хотя мы покидаем родные места, все-таки мы снова и снова возвращаемся к ним, как бы ни грешили знакомством с другими краями. Потому что жить без этой малой Родины невозможно. Ведь человек счастлив, пока у него есть Родина...»

Но эту Родину надо обустраивать, работать на ней, семьи крепить, а далеко не везде на селе все в порядке. Отсюда острота писателя, непримиримость к недостаткам, к тем, кто хотел бы походя их разрешить, забывая об уроках истории. В одной из бесед Василий Иванович сказал:

«Вне памяти, вне традиций истории и культуры, на мой взгляд, нет личности. Память формирует духовную крепость человека. Только и память разная бывает. Иной всемирную историю вызубрил, а про славу своей деревни не слышал — не интересовался. Это, пожалуй, сегодня один из самых распространенных видов невежества». Вспоминая, как мы ходили по Вологодскому краеведческому музею и как заинтересованно, с полным знанием рассказывал Василий Иванович об одежде и быте жителей, о древних обычаях и культурных традициях края, о ремеслах и умельцах.

Несколько лет назад в издательстве «Молодая гвардия» мы с Василием Ивановичем Беловым просматривали красочный альбом «Поэзия народного костюма», подготовленный энтузиастом-искусствоведом Марией Николаевной Мерцаловой. Автор со своими коллегами бывала в архангельских, костромских, липецких, рязанских, воронежских селах, краеведческих музеях, извлекала из заветных сундуков и с выставочных стендов то, что еще недавно (а в некоторых местах и ныне) составляло народную, повсеместно распространенную моду. Богатство народной эстетики, раскрывшей языком цвета, формы и орнамента многие сокровенные тайны и законы красоты народа, еще раз поразило нас в то время. Тогда в «Молодой гвардии» утвердилась вызревавшая, по-видимому, давно идея создания книги о северной народной эстетике. Каждый, кто прочитал ее в «Нашем современнике», обратил внимание, наверное, и на название очерков: «Лад».

«Все, что было лишним, или громоздким, или не подходящим здравому смыслу, национальному характеру, климатическим условиям, все это отсеивалось временем». Авторская идея о стремлении народа к совершенству и целесообразной простоте и красоте в жизненном укладе, как никогда, своевременна и плодотворна. Ведь

«вколачивание» в наш быт чужеродных неестественных предметов, ритмов и традиций только затрудняет жизнь, а не облегчает ее. А попытка узкой группы завладеть эстетикой быта, вывести ее из разряда всенародного творчества опустошительна и приводит к деградации красоты. Глубоко интересно наблюдение автора «Лада»: «Все было взаимосвязано и ничто не могло жить отдельно или друг без друга, всему предназначалось свое место и время. Ничто не могло существовать вне целого или появиться вне очереди. При этом единство и цельность вовсе не противоречили красоте и многообразию. Красоту нельзя было отделить от пользы, пользу от красоты. Мастер назывался художником, художник мастером. Иными словами, красота находилась в растворенном, а не в кристаллическом, как теперь, состоянии».

Конечно, мы должны четко осознавать всю социальную и временную ограниченность многих традиций, но должны помнить и ленинские слова: «Не голое отрицание, не зрящее отрицание, не скептическое отрицание, колебание, сомнение характерно и существенно в диалектике..., а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного...» То есть мы должны и обязаны взять из культуры прошлого, из традиций народа тот «момент развития», то положительное, что дает новый толчок быту, искусству, творчеству.

Могло показаться странным, зачем Белову, писателю высочайшего нравственного потенциала, понадобилось углубляться в отвлеченный мир искусства и воспоминаний. Но он сам и отвечает на этот давно им уже продуманный вопрос. «Чем Белов занимается?... Рождаемость в деревнях ниже нельзя, дороги разбиты, хозяйского глаза не хватает — а он сидит себе и пишет о народной эстетике. Потому и пишу, что надо разобраться, как испокон крестьянская «вселенная» была устроена, и, разобравшись, приступить к делу. Да не за одно что-то браться — одну ногу поднимаешь, другая увязнет, ведь в крестьянской жизни все взаимообусловлено — а тянуть все разом».

Так неожиданный поворот в творчестве писателя уже не выглядит странной прихотью, а тем витком, выводящим его мысль и образ на новую вершину, откуда открываются еще более далекие писательские горизонты, проникнуть за которые, я надеюсь, нам удастся с помощью Василия Белова.

ЛЮДИ ЗЕМЛИ

Герой нового романа Михаила Алексеева «Драчуны», да, по сути, он сам, на последних страницах переносится из тридцатых годов, когда происходит основное действие, в наши дни.

Проходя по новой деревне, так изменившей свой облик, на широкой площади, образовавшейся на месте исчезнувших старых изб, видит он стрелой вонзившийся в синее небо обелиск. «Приблизясь вплотную, останавливаясь, снимаю кепку — рука сделала это сама и даже не заметил как. Читаю сверху вниз длинный список, выделяя про себя имена тех, о которых только обжигалось сердце... И дальше длинные столбцы фамилий погибших в войну его земляков, чьи имена упомянуты в «Драчунах».

Вместе с ними жил Михаил Алексеев в такую нелегкую, но освященную радостью юности довоенную пору, с ними вышел в большой мир человеческих дел. И многие из них могли бы жить да жить сегодня, шагать по земле, а потом и по произведениям своего прославленного земляка, радуя родных да и читателей своим жизнелюбием, полнотой чувств и неумной жадой деятельности. Чудовищная сила войны прервала их, полную надежд, жизнь, лишила возможности продлить себя в потомстве и его памяти.

Судьба сохранила их земляка, ставшего писателем, и ему предопределено было вспомнить их, рассказать о мире их детства, их деревни, их радостей и потерь.

Искренне и взволнованно любит он своих земляков, живых и павших, любит свою деревню, свой народ, свою отчину. Но и он сам, Михаил Алексеев, не прятался от жизни, не искал себе легких путей, боролся, воевал, работая на самых трудных ее участках.

«Патриотизм — это не значит только одна любовь к своей Родине. Это гораздо больше... Это — сознание своей неотъемлемости от Родины и неотъемлемое переживание вместе с ней ее счастливых и ее несчастных дней,— писал Лев Толстой. И в этом смысле все творчество М. Алексеева, «переживание». Иногда встретишься с Михаилом Алексеевым и ощущаешь: он весь заполнен делами государственными, делами депутатскими. Присмотришься, что решает он, тогда и видишь: дорогу помогает проложить, школу построить, санитарную машину для села «пробивает». А то расскажет о горькой переписке с человеком, попавшим в заключение, и понимаешь, что эти государственные дела есть дела человеческие, что дела родных ему людей — это и есть дела его государства, его народа.

И в этом общественном принципе творческое кредо Михаила Николаевича Алексеева.

Всем миром своего художественного творчества и предстает перед нами — как художник-патриот, певец Родины.

Патриотизм не умозрителен, не бесплоден, он глубок и страстен, он реальная душевная сила писателя. И естественно, что состоит он не из пышных возгласов, но из сердечной любви к людям и в болезненной враждебности к дурному, неизбежно бывающему во всякой земле, как писал В. Белинский.

Один из буржуазных эстетов и кропотливых исследователей истории, философии, морали и литературы прошлого века, француз Ипполит Тэн, пессимистически заключал, что человек — зверь. Он полон, по мнению этого философа, животных инстинктов и покрыт лишь тонким слоем позолоты цивилизации. Поскребите позолоту — и перед вами зверь доисторических времен. Время его не изменило. Он остался внутренне таким же, каким был в пещерный период своей истории. На фоне человеческих трагедий, капиталистической алчности и хищничества, войн и колониального разбоя, мафиозности и порнографии такие взгляды могли многим показаться убедительными.

Литература социалистического реализма не могла не замечать зверств и искажений эпохи, но, опираясь на многовековую гуманистическую мысль лучших сынов человечества, она четко осознавала причины такого озверения человека, массового затмения человеческой сути, зависящие не от его природы. В самом же человеке она ищет высокое, духовное начало, нравственные опоры, с помощью которых человек возвышается над животным миром, творит жизнь, ее действительную человечность и красоту.

Какие только бури и трагедии времени не проносятся над героями Михаила Алексеева, да и над ним самим!

Поистине все слои позолоты, да и других благородных и неблагородных пород металла должны были растворить потоки горя и страданий, жестоких испытаний, проходящие через души наших людей. Но писатель видит, что в простых рабочих людях не угасла человечность, не застыла душа, а в ней горит притягательный огонь добра, справедливости и разума.

В великом сражении на Курской дуге в июле 1943 г. и назначили его, совершенно неожиданно для самого Михаила Николаевича, заместителем ответственного редактора дивизионной газеты «Советский богатырь».

Судьба фронтового газетчика не раз воспета и показана во многих дневниках, очерках и даже стихах. Но стоит приподнять романтический покров, и становится понятно, что армейский журналист — это такой же многотерпеливый, подвергающийся смертельной опасности воин, как и боец передовой. Ибо материал истинный газетчик должен был «организовывать» не в штабе, а с передовой, нередко отправляясь с разведчиками в поиск, переправляясь с авангардом на захваченный плацдарм, преодолевая с саперами минное поле и другие преграды. Помню, как маршал В. И. Чуйков рассказывал, что отправил обратно на тот берег Волги из штаба 62-й армии одного журналиста, прибывшего на израненную сталинградскую землю 3 февраля 1943 года. «Где вы раньше были?» — таков был его жесткий вопрос журналисту. Возможно, прославленный маршал не совсем прав, но вопрос этот он не задал бы Михаилу Алексееву. Михаил Николаевич

был сам солдатом, был вместе с солдатами, воевал и шел по самым трудным дорогам войны.

Как-то с самого начала своего творческого пути предстал он перед читателями как военный писатель, кропотливый и честный летописец Великой Отечественной.

В его «Солдатах» еще натыкаешься порой на литературные штампы, незавершенность образа, неубедительность ситуации и психологической разработки поведения героя. Но сквозь все это пробивается такое горячее дыхание войны, предстает такая драматическая и живая картина солдатской жизни, что читатель сразу верит в этих мужественных, грубоватых, по-мужски верных, разных и единых в служении Родине людей.

Аким Ерофеевко, Семен Ванин, Федор Забаров, Петр Пинчук, сержант Шахаев, действительно все они разные, идущие вперед против бурного потока войны, ничего им не сулящего, кроме гибели. Но зато они несли в своих руках освобождение, спасение, защиту. Они были солдатами жизни, а их противник представлял перед историей как апостол смерти.

Кто мог победить в этой смертельной схватке двух миров? Только те, у кого более сильная любовь, только те, у кого более глубокая вера, только те, у кого более высокая мечта. Только те, за кем более справедливое дело.

И поэтому смогли победить солдаты, поэтому пришла победа. Поэтому верили героям М. Алексеева, несмотря на то, что это был его первый роман. А вслед за ним повести «Наследники», «Дивизионка», «Автобиография моего блокнота», несколько военных сборников рассказов и очерков. И в памяти критиков, читателей он закрепился в пятидесятые годы как писатель исключительно военной темы.

Действительно, солдатская тема, тема подвига сделала М. Алексеева писателем. И с ней он шагнул в литературу, но воспоминания детства и юношества увели его в далекое и родное село. В 1961 году появился «Вишневый омут», удививший многих критиков поворотом писателя к новому слою жизни. Затем «Карюха», «Ивушка неплакучая». Но писатель знал, что в этом нет никакой неожиданности. «Дело в том, что и в военных-то моих книгах главными героями, как правило, являются все те же землепашцы, по случаю войны облаченные в защитного цвета форму. Так уж испокон веку на Руси: при вражеских нашествиях сеятель сейчас же становится воином... Сеятель и хранитель, пахарь и солдат, по-видимому, останутся главными моими героями до конца дней моих».

Два героя его прочно завоевавших признание романов, Михаил Аверьянович Харламов из «Вишневого омута» и Феня Угрюмова из «Ивушки неплакучей», стали полнокровными символами нашего крестьянства, советских людей. Один из них — многотерпеливый садовник, возвращающий и оберегающий жизнь, вторая — ее праро-

дательница, стойкая заступница за все доброе, светлое и человеческое на этой земле. Они не перекалывают со своих плеч тяжести времени. Да им и не на кого их переложить. Они верят, что если они будут держаться, то и все выстоят, если они будут беречь добро, то оно даст свои новые плоды в детях, внуках, новых поколениях людей. Но для этого нужна непрестанная ежедневная работа на всех нивах человеческой жизни.

«Доброе-то в человеке заглушить легче, чем дурное. Дурное так и лезет в глаза всем. А хорошее надо еще увидеть, разглядеть, да все время ухаживать за ним, чтобы не увяло, не засохло, не пропало в человеке», — говорит Феня Угрюмова, всю свою жизнь творя и оберегая это добро.

Вроде бы и нет единого сюжета у повести «Хлеб — имя существительное», нет главного персонажа, но с каждой новой новеллой разворачивается увлекательная и драматическая, радостная и грустная картина народной жизни. И уже с середины повести заинтересованно следишь за энергично действующими сегодня и романтически возникающими в далеких годах персонажами. А их в повести немало — все запоминаются своим характером, поступками, приметами, языком. Да и автор не отсутствует, он реальный их собеседник и ваш поводырь по дворам Выселок. А тут и неутомимый иронист, резонер и человеколюб — дед Капля; получивший поворот от Журавушки с такими полыхающими жарким огнем ушами, «что от них можно прикурить», охранник Самонька; однорукий почтмейстер-почтальон Зуля, из соображений гуманного свойства решивший скрывать письма; добрая старая учительница, которой из-за любви своей автор в детстве нанес большую обиду; вечный депутат, утешитель вдов кузнец Акимушка Акимов; терпеливец и чества парторг Стышной Аполлон; жертва святец «полесовный» защитник Меркидон Люшня.

А рядом, в этом Ноеве Ковчеге Выселок, куча переизбранных председателей, неверующий, но уверенный в своей правоте отец Леонид, хитрющая и способная воровка и спекулянтка Глафира. Там живут они, работают, спорят, выпивают, отдыхают, любят, женятся и, по привычке хочется написать, разводятся. Но нет, не разводятся в Выселках, жизнь там хоть и не безгрешная, но основательная.

А сколько вдовьих слез видел автор, сколько бабьих бед, которые подготовила для женщин России судьба. И, может быть, поэтому самой яркой звездой в ожерелье новелл сверкает повесть «Журавушка» и ее героиня непорочная и прекрасная, как Вечная Любовь. Может быть, от того, что талантливый и самобытный режиссер Николай Ильич Москаленко с изумительной актрисой Людмилой Чурсиной сделал одноименный светлый и грустный фильм, кажется, что новелла существует сама по себе. А может, автор так сконструировал повесть,

что вершиной, апофеозом ее и должна была быть «Журавушка». Думаю, что этот образ русской женщины — девушки, невесты, жены, матери — в своей верности и красоте является одним из самых значительных и замечательных в нашей советской литературе.

«Хлеб — имя существительное». Эти слова стали уже хрестоматийными. Мудрый дед Капля, растолковывая их московскому охраннику, говорит: «Хлеб! Что может быть важнее хлеба?! Хлеб — имя существительное! — Дед Капля вымолвил эти слова особенно торжественно и по-ораторски воздел руки кверху, поднялся за столом и стал вдруг как будто выше ростом. — Поэтому как все мы существуем, поскольку едим хлеб насущный!.. — И он повторил с хрипотцой в голосе: «Хлеб — имя существительное, а весь остальной продукт — прилагательное».

За словами героя повести скрывается глубокая убежденность автора в первородстве хлеба, его облагораживающей святости, проявлении в нем человеческого разума. Хлеб для Михаила Алексеева не дар божий, а плод изначального людского труда, мудрости земледельца, результат его добрых взаимоотношений с природой.

И он всюду выступает за хлеб. Вспомните его знаменитое письмо-книжку, обращенную к юным, о бережливом отношении к хлебу. Значимость этой небольшой на первый взгляд обычной книжечки оказалась намного больше, чем ее объем. Недаром на VII съезде советских писателей в Отчетном докладе Первого секретаря Союза писателей Г. М. Маркова было сказано об этом, как о большом гражданском деле писателя.

М. Алексеев любит землю, знает ей цену, борется за ее благоустройство. Почти в каждом его романе и повести есть настоящий радетель природы, земли, почвы.

В одном сельском клубе я увидел высказывание: «Обидеть землю — значит обидеть наше будущее; украсить землю, сделать ее еще более плодородной и жизнотворящей — значит сделать будущее страны прекрасным». Написанное во всю стену, оно не имело подписи. А ведь слова-то принадлежат М. Алексееву. Сказал завклубом, он засмутился, обещал дописать. Но думаю, что для автора это уже награда, когда мысли его и слова возвращаются пусть даже в безымянном виде к людям, от которых усвоил он великую мудрость земли.

Удивительна щедрость писателя к друзьям, старшим товарищам и собратьям по перу и искусству. Не снисходительное похлопывание, а дружеская поддержка и даже заинтересованная критика. Далеко не все любят отрываться от своих дел для дружбы. Но не все и имеют право на это. Михаил Алексеев имеет. Он обращал свое писательское внимание и не раз писал о М. Шолохове, Л. Леонове, А. Твардовском, С. Воронине, О. Гончаре, Р. Гамзатове, М. Горбунове, Н. Грибачеве,

А. Довженко, П. Загребельном, М. Зарудном, Г. Жукове, А. Иванове, А. Кешокове, В. Кожевникове, В. Кочетове, В. Кулемине, Н. Камбулове, И. Карабутенко, Г. Маркове, А. Макарове, Ф. Панферове, Г. Регистане, С. Сартакове, Л. Соболеве, И. Стаднюке, В. Солоухине, И. Тарбе, В. Федорове, Г. Холопове, А. Чаковском, С. Шуртакове, В. Шукшине. И это только те, слово о ком вошло в шестой том собрания сочинений. Поистине небольшая, но емкая антология советской литературы, в которой по праву первое место занимают М. Шолохов, Л. Леонов, М. Горький, а продолжает большой ряд мастеров.

В такой небольшой по объему статье надо изложить кредо автора, дать характеристику его творчеству, отметить особенность, поэтому М. Алексеев предельно собран и афористичен в оценках.

В своих публицистических статьях и очерках, эссе М. Н. Алексеев предстает и сам как большой мастер, умеющий обобщить факт, придать ему социальное звучание.

Блестяще продемонстрировал он это в статье «Богатыри», опубликованной в «Советской культуре». Под пером автора из события художественного выставка двух великих художников — наших современников, Сергея Коненкова и Аркадия Пластова, — превратилась в явление историческое. Да, писатель показал общественную значимость художников, по творчеству которых можно было скользнуть лишь восторженно дилетантским либо профессионально холодным взглядом. «Богатыри» — Сергей Коненков и Аркадий Пластов. «Богатыри. Они и воспевали в своих творениях богатырей, только не сказочных, а вполне реальных, до боли сердечной близких и знакомых нам, тех, что живут с нами, окружают нас от первого до последнего часа нашего пребывания на земле по имени Россия».

Удивительным бывает неумение видеть пророков в своем Отечестве, но выставка в Манеже, которая проходила, правда, значительно короче, чем иные зарубежные экспозиции, сделала нас соучастниками такого события, когда мы, так же, как люди прошлого века, приходившие на выставки Репина, Сурикова, Врубеля, Васнецова, можем с гордостью сказать, что являемся современниками великих художников. Михаил Алексеев привлекал внимание тысяч непрофессионалов к этому незаурядному событию в художественной и общественной жизни. Словом благодарности закончил он статью: «...счастливая эта оказалась мысль: поместить работы двух русских советских великанов под одной крышей. А мы им, оставившим нам в наследство, как бесценный дар, свои творения, в молчаливом молитвенном поклоне скажем «спасибо». Спасибо за то, что они дали нам возможность поглубже заглянуть в самую душу Родины нашей, наговориться с нею как бы наедине, с еще большею силой понять ее и уверовать в ее могущество, в ее великое будущее. В ее бессмертие».

Эта статья — продолжение замечательной традиции деятелей

русской культуры, заинтересованно и внимательно относящейся ко всему, что в ней происходит.

Александр Блок в апреле 1921 года писал: «Россия — молодая страна, и культура ее — синтетическая культура. Русскому художнику нельзя, не надо быть «специалистом». Писатель должен помнить о живописце, тем более прозаик о поэте и поэт о прозаике. Бесчисленные примеры благотельного для культуры общения... у нас налицо; самые известные — Пушкин и Глинка, Пушкин и Чайковский, Лермонтов и Рубинштейн, Гоголь и Иванов, Толстой и Фет» (Без божества, без вдохновенья. Сб. о Родине. 1945, с. 141).

Превосходный знаток деревни, крестьянской психологии, окружающей нас природы, певец земледельческого труда Михаил Алексеев еще раз погружается в сельскую стихию в только что вышедших «Драчунах». Он мастерски описывает деревенскую избу, изобильный дедушкин сад, весеннюю встречу скворцов, удаль деревенских мальчишек, яркую сельскую ярмарку, преобразование природы в разное время года.

Но на этот раз, пожалуй, роман М. Алексеева менее всего может вызвать умиление сельской жизнью, а радость деревенских ребятишек от познания живого окружающего мира только подчеркивает его сложность и противоречивость.

«Драчуны» — рассказ о конфликте, о драме, разворачивающейся в жизни детей, их родителей, о сложностях жизни всего общества. По незначительному поводу двое ребят начинают драку. В нее втягивается весь ребячий коллектив, а за ним и все село. Только что оно казалось единым и артельным сообществом, но искра разлада подожгла весь сельский уклад — заполыхал пожар серьезной ссоры. И уже вползает драка в большой социальный конфликт времени. Не столь безобидными представляются детская несдержанность и бездумие. Да, сколь же пустячными бывают поводы для ссор, размолвок и раздоров?.. Как же далеко простирается разрушительная, поистине сейсмическая сила первотолчка конфликта? Как остановить его? Где найти силы для сдержанности и благоразумия?

Остановиться, оглядеться, не дать себе пойти дальше по линии саморазрушения смогли юные герои романа Ванька Жуков и Миша Алексеев. Они протянули друг другу руки и сумели снова приобрести себе весь мир. Это большая человеческая победа. «Подлинные размеры и значение любых утрат познаются лишь тогда, когда мы утраченное обретаем вновь. В этом случае потерянный и вскоре найденный пятак превращается в полтинник; обыкновенная палка, кривая и небрежно, плохо отесанная, к которой ты, однако, привык... в конце концов все-таки найденная, превращается бог знает в какую драгоценность, засыхающее деревце в саду становится во сто крат дороже, когда одолеет недуги и войдет в прежнюю силу, окинувшись по весне свежее, сочную листвою... Подобно этому, наверное, познается нами

и доподлинная цена утраченной некогда, но, к счастью, вновь обретенной дружбы и любви». Автор романа раздумчив и тревожен, его мучает вопрос:

«...Неужели для того, чтобы стать вполне счастливым, то есть ощутить и оценить это счастье в полную силу и полную меру, ты должен прежде пережить какое-то большое горе, то есть быть несчастным?» И хотя он и отвечает на этот вопрос утвердительно, но в ответе звучит неуверенная интонация: «Не знаю, не знаю. Может, оно и так. Во всяком случае, у нас с Ванькой случилось именно так...»

Потери детства быстро и далеко уходят в прошлое. Но в зрелом и пожилом возрасте они всегда рядом, они сходятся на одной площадке прошедшей жизни, перед которой уже нет большого, манящего будущего и поэтому-то встают вместе все утраты, явственно видно, что можно было не потерять. Конечно, в жизни не может не быть потерь, иначе она бы затвердела, застыла, стала неподвижной, то есть перестала бы быть жизнью. Но в возможных ли пределах несем мы их иногда? Не можем ли предотвратить многие жертвы?..

...Не раз обращается в своей публицистике и творчестве Михаил Алексеев к трагедии голода, когда погибли тысячи людей. В чем причины этой страшной трагедии, может быть, и не мог понять школьник Миша, но уроки прошлого должны жить для взрослых, для тех, кто ответственно и серьезно думает о жизни, о своем предназначении человека.

Михаил Алексеев получил свое коммунистическое крещение под Сталинградом. И все эти годы вынашивал мысль: посвятить свою сокровенную книгу этому городу, тем, кто сломал здесь хребет фашистскому зверю, кто совершил непостижимое и сверхчеловеческое.

В таинстве рождаются книги хороших писателей, многое вынашивается годами. И преждевременно говорить о книге, давать оценку, но, зная Михаила Николаевича Алексеева, мы все ожидаем роман «Сталинград», на обложке которого может быть обозначена рубрика великой серии советской литературы:

РОДИНА, ПОДВИГ, СОЛДАТ.

КРУТЫЕ ГОРЫ

Ученые сравнительно недавно стали выделять среди детей и юношества категорию подростков. И границы этого возраста у различных педагогов и социологов колеблются, то поднимаясь до 17 лет, то опускаясь до десяти. А он, подросток, где-то посередине — уже не ребенок, но еще и не «юноша бледный со взором горящим». В шестидесятых годах начался подлинный бум в изучении проблемы подростков: писались научные книги, защищались диссертации, принимались постановления. Вдруг обнаружилось, что подростков

только в нашей стране около двух десятков миллионов. Да ведь это население крупной державы! А всякая держава живет по своим законам, так и поведение миллионов подростков диктуется определенными законами.

Наука это обнаружила, воспитатели стали учитывать. В то время и появились различные подростковые объединения, трудовые отряды, игра «Зарница»; всесоюзный лагерь «Орленок» превратился в школу актива для старшеклассников.

А что же литература?

Яркое представление об этом дает двухтомник Лиханова, вышедший в издательстве «Молодая гвардия». Произведения в нем связываются одно с другим и временем, и событиями, и даже героями, что, может, и не замечалось, когда они выходили в разное время отдельными изданиями. Автор не скрывает симпатий к своему герою, но и не маскирует его противоречивость. Первая повесть «Чистые камушки» — повесть столкновений. Да и вообще все его повести — это цепь конфликтов, возникающих в жизни, поведении, отношениях молодых героев. Может, это еще от неустойчивости формирующегося характера. Возможно. Но это качество становления, а не неустойчивости распада. Юным героям «Чистых камушков», «Лабиринта», «Обмана» все время приходится решать сложные жизненные проблемы.

Герой Лиханова ищет истину, правду, может быть, и незначительную со стороны, но для него единственную и верную. И, как оказывается в финале, верную и для его родных, учителей, друзей. Он идет по жизни не один, но поиск ведет самостоятельно, хотя и опирается на опыт старших и более зрелых.

Он ищет и находит, тут же теряет, возвращается назад, чтобы вновь найти, сталкивается с реальностью и убеждается, как ценны слитость слова и дела. И этот поиск добра и справедливости, умение отстоять правду, утверждение характера, пожалуй, и есть ядро книги, суть всех повестей Альберта Лиханова.

Исcoverканные, изломанные судьбы, жестокие сверстники, необъяснимая ложь, трагические ситуации — с этим нередко сталкивается подросток в повестях автора. Но в них торжествует и нелегкий оптимизм. 12 — 13-летний герой учится настоять на своем, то есть на том хорошем, что взращивала в нем жизнь, он умеет добиться того важного, чего порой и взрослым, потерявшим непосредственность чувств, не добиться. Верой в добро и справедливость соединяется семья в «Лабиринте», приостанавливается стяжательство в «Чистых камушках», отталкивается себялюбие и возрождается жизнь двух измученных войной людей в «Деревянных конях».

Война не фон в книгах Альберта Лиханова. Почти все его герои прошли сквозь испытания грозových лет. Она сеет разрушения, смерть, увечья, пытаясь покалечить не только тех, кто сражается на передовой, но пробует на излом молодую душу, навечно стремится

уничтожить дух детства и молодости. Гуманизм советского народа состоял тогда и в том, что, защищая Родину, он спасал человечество, сберег для будущего детство. Конечно, подростки войны выросли раньше своих довоенных и послевоенных сверстников, их не обходили лишения, голод, холод, но они трудились, учились, помогали фронту во имя всеобщей победы и все были сыновьями своего времени. Автор мастерски изобразил это единое стремление, единую заботу всех — взрослых и детей. Это общее жизненное положение, общие интересы и породили общность сознания. Крутые горы предстояло преодолеть, но одолевать трудности научили их отцы, которым они свято верили, и потому были готовы продолжать дело старших.

Опалюющее дыхание войны не ушло из сегодняшнего дня. И может, не о самой войне, а о долге, дружбе, принципиальности мальчишечьей роман «Мой генерал», получивший широкое признание у юной аудитории, особенно после экранизации последнего. А впрочем, и он о войне: ведь именно служение святому долгу, мужество, любовь к людям, солдатская дружба помогли сломать хребет фашизму.

Родители, школа, книги не учат плохому. И судя по количеству пожеланий, правил, нравов, полученных в его возрасте, подросток уверенно должен идти в будущее. И тут же все мы горестно всплескиваем руками: «Самый трудный возраст. Не поймешь, что ему надо. Все говоришь, говоришь, а он по-своему...» Вот именно «по-своему». А еще «говоришь, говоришь», а он уже не верит словам, или одним словам — он верит и ценит поступки... Обращаясь к отрочеству и даже к старшему детству, можно вспомнить, что в общем-то все ты понимал, чувствовал, даже, кажется, мог сделать то, что совершали взрослые, еще лучше или, во всяком случае, не хуже, чем они.

Если входить в глубоководную и тихую реку жизни постепенно, то, может быть, этот добрый груз детства, не отпадая, помогал бы плыть по течению, как хороший спасательный круг для начинающего. Но водоворот, холодное течение или крутой изгиб реки вдруг вырывают этот круг. И только что ты знал, какие надо делать движения, как ритмично двигать ногами и руками, но вот стремнина не дает опомниться, начинаешь изо всех сил молотить руками, дрыгать ногами вразнобой, дыхания, о котором известно, что надо дышать ровно, не хватает, ты идешь на дно...

Помню, как выскочивший из-под рук волейбольный мяч, помогавший переплыть небольшую речку Хорол, оставил меня одного на середине глубины. Суета мальчишек, кинувшихся на крик спастись, не помогла... На всю жизнь осталась в глазах золотистая толща воды над головой и расплывающееся в ней бесформенным желтком солнце. Двумя какими-то судорожными движениями рук и ног, почему-то сработавшими в лад, выскочил на поверхность и, сделав еще один, пока не осознанный рывок, ощутил под ногами дно. Потом я уже любил плавать, но началось, пожалуй, с тех двух спасающих жизнь

собственных толчков. Проезжая недавно родные места, с удивлением увидел, что та наполненная водой яма от взрыва бомбы в Хороле и была-то всего шириной несколько метров.

...Несколько метров, но, чтобы научиться плавать, их надо суметь преодолеть самостоятельно. Да, лишь самостоятельные, осознанные шаги делают подростка подлинной личностью.

Мир отношений, в котором лицемерят, лгут, отступают от истины, оборачивается трагедией и даже распадом личности. «Лабиринт» — одно из самых остросюжетных произведений двухтомника. Мальчишечий роман представляет одну из часто повторяющихся жизненных ситуаций. Семья Толика разрушается, отец уходит из дома. Мама, покорная воле сребролюбивой жадной бабки, заставляет Толика совершать ложные шаги. Мучаясь, ошибаясь, путаясь в лабиринте отношений, обращаясь к тому светлому, радостному и правдивому, что дала ему жизнь, он вступает в бой за судьбу своей семьи. И в этом нелегком блуждании он оступается, страдает, ранит душу себе и родным. Но неистово, за пределами житейского благоразумия борется за счастье всех близких. И эта его недетская страсть возрождает взрослых, соединяет их снова. Хэппи-энд? Счастливый конец?! Нет. Ведь немало потеряно по пути, и впереди длинная дорога. Правда, появился характер, и это дает надежду на счастливый конец будущих жизненных конфликтов.

Умение выбрать правильный путь, понять истину человек обретает всю жизнь, но выход его на орбиту личности начинается тогда, когда он делает осознанный нравственный выбор. Не об этом ли и повесть «Солнечное затмение»? Легко вызвать сочувствие читателя, обратившись к болезни, несчастью героя. Эта человеческая жалость неизбежна и естественна. Но если авторы «выжимают» чувства из трагической ситуации, то здесь нравственность мстит, превращая сюжет в лучшем случае в сентиментальную игрушку. В «Солнечном затмении» — трагедия. Но здесь как бы еще раз в лучших традициях русской литературы выявляется то обстоятельство, что только сила человеческого духа способна преодолеть трагическую безвыходность. Подлинно человеческое сострадание может победить равнодушие, пассивную мораль «непреодолимых обстоятельств».

Светлое чувство возникло между Леной и Федором. Она, страдающая серьезным недугом и поэтому не по годам собранная, кажется, «вертит» людьми, но лишь затем, чтобы не вызывать жалости. Ровесник Федор, наоборот, не может преодолеть безволие отца и роковые обстоятельства, окружившие мать. Мечтания девочки и голубиная страсть парнишки пересеклись. В мгновение солнечного затмения в мире расцвела еще одна нежная и красивая любовь. Наперекор всему, что мешает ей, что шепчет о противоестественности ее появления, о неминуемой расплате за надежду, о еще большей потере в будущем.

И вроде бы природа или просто жизнь подтверждают неизбежность утраты. В то же мгновение где-то там, в интернате, умирает лучшая подруга Лены. Потом переезжают в другие районы их семьи, сгорает голубятня, они теряют друг друга... Казалось, в мире действует закон сообщающихся сосудов: если в одном месте прибудет счастье, в другом убудет. Все уравновешено. Надо согласиться с обстоятельствами, подчиниться им, они выше. «Зачем ты нашел меня, — говорит Лена. — Рано или поздно все кончится. Надо самим. Самим легче!» Твердо и убежденно отвечает ей Федор: «Знаю... Но ведь нельзя. Понимаешь, я согласен, так, наверное, и бывает, когда люди становятся взрослыми. Но мы же не взрослые. Мы не должны, пока мы не взрослые...»

Нет, тут, наверное, не обвинение взрослых. Ведь с нелегкой прямотой, почти беспощадностью говорил Лене ее отец: «Каждый миг из жизни уходят люди. И смерть порой становится избавлением от страданий... Если бы я был верующим, я бы сказал тебе: помолимся. Но я говорю тебе: поверим. Поверим в себя, в свои силы... Ты все сможешь, только помни всегда: не быть — проще, чем быть».

Здесь глубокое и четкое желание: быть на самой высокой точке человечности, не оправдывая себя никакими обстоятельствами.

Возраст взрослых тянется долго. Как ни коротки годы детства, но и они охватывают не меньше десятилетия. Отрочество же озаряет нашу жизнь своим трех-, четырехлетним горением. И, глядишь, на месте школьников, только что склынувших в юность, толпятся новые — пытливые и безразличные, добрые и жестокие, веселые и мрачные, стремительно несущиеся в танце и меланхолически задумавшиеся над книгой, настойчиво овладевающие мастерством в ПТУ и растерянные после окончания восьмилетки.

Что мы знаем о них? То, что они пришли в мирный мир и не жили в тяжелое послевоенное время, не радовались первому спутнику, не рвались со своими старшими товарищами на целину? Да, они не знали голода, не ходили в очередь с хлебными карточками, не носили поношенную одежду братьев и сестер... Они живут лучше. Но будут ли они чувствовать лучше, думать лучше, видеть лучше? Надеемся и уверены, как и раньше, — будут! Им многие помогают, многое они уже знают сами. И книги Альберта Лиханова — их друзья в сложном и еще не узнанном лабиринте жизни, зовущие к исполнению долга, творению добра, борьбе за справедливость и истину.

ВО ИМЯ ПОТОМКОВ

Наша отечественная история знает события и даже периоды времени, которые поистине можно назвать переломными для судьбы всего народа и даже человечества. Но многие из этих событий проходили тогда, когда народ русский уже был воссоединен,

един и могуч. И довольно редко говорим мы о затерявшемся в слабом мерцании веков периоде собирания нашего народа, периоде его исторического возрождения из пепла батыевых пожаров и жестоких всеуничтожающих набегов ордынских захватчиков. Этому посвящен новый исторический роман Дмитрия Балашова «Бремя власти».

Думаю, что сегодня русский исторический роман, историческая повесть вновь на подъеме. Глубину эрудиции, страсть патриота, панорамность взгляда показал в своем романе «Память» Владимир Чивилихин. Детальное знание предкуликовской обстановки на Руси, ордынский кризис предстают в романе Лебедева «Искупление». Героическая эпопея свержения ига запечатлена в романе Ф. Шахматова «Ликуя и скорбя» и в повести С. Гагарина «Евпатий Коловрат». Продолжает плодотворно трудиться на исторической ниве после выхода повести «Огнепальный» об Аввакуме Петрове Дмитрий Жуков. Широкою картину России XVI века создал в романе «Лета 7071» ворошиловградец Валерий Полушко. Иван Грозный и его окружение, быт старой Руси и военный лагерь, жестокость времени и народное празднество удалось показать автору.

Не можем не назвать и Владислава Бахревского с его романтическо-цветастым романом «Свадьбы» — о казацком походе на Азов и разгроме пяти тысячным отрядом храбрецов Осипа Петрова трехсоттысячного войска турков, о горьких плодах неиспользованной победы, о жизни России, Турции, Индии, Персии того времени эта книга. Она о любви и смерти, о знаменитом сидении казаков, которое запечатлено в русской литературе. О грозных викингах, крестьянах, поморах, смелых путешественниках, освоивших наш Север, исторические повести Е. Богданова «Ожерелье Иомалы», «Черный соболь», «Чайный клипер». Его повесть «Лодейный Кормщик» — о подвиге «корабельного вожа» Ивана Рябова, этого морского Сусанина, посадившего корабли шведов на мель под пушки Новодвинской крепости. «Вьюга» — о последних днях Ивана Болотникова и его жизни в Каргополе. Болотникову же, драме первой крестьянской войны и бурному времени начала XVII века посвящена историческая повесть А. Рутко «Оплачена многая кровью...». Документально достоверны и художественно убедительны исторические романы О. Михайлова «Державин» и «Суворов». Разрабатывает историю Дальнего Востока и русско-японского сотрудничества в прошлом в своих романах Н. Задорнов. Живое обсуждение, интерес, критику вызвали исторические романы В. Пикуля. Я тут не говорю о нашем историко-революционном романе, здесь разговор особый. Но широкое многообразие авторов, тем, периодов в освещении дореволюционной истории нельзя не заметить. Не все равноценно, не везде удалось управиться с фактическим материалом, быть верным исторической правде, иногда подводит еще робость перед схемой, творческий поиск

самоограничивается боязнью быть обвиненным в «антиисторизме», безосновательно прозвучавшем в свое время. Но как бы то ни было, историческая тема за последнее десятилетие чаще появляется в публикациях некоторых журналов, является основой многих художественных произведений, вызывает интерес у читателей, уровень знания истории у которых значительно вырос.

Нет сомнения, что художественные произведения на эту тему и дальше будут привлекать внимание читателей, несмотря на неуспех некоторых авторов на их схематизм в отражении эпохи, незнание слова того времени. «Сегодня многое видится в истории», — сказал как-то в беседе с молодыми Михаил Александрович Шолохов. Вспоминая, как К. М. Симонов, заходя в «Молодую гвардию», не раз поднимал вопрос об историческом журнале для молодежи, где печатались бы и исторические романы и повести. К сожалению, время, а скорее материальные возможности для такого издания еще не подошли, а многие «толстые» литературно-художественные журналы не спешат ответить свои страницы исторической теме. Аргумент бывает один: мы отдаем предпочтение современной теме. Но, следуя такой логике, никогда бы не издали «Петра Первого» Алексея Толстого, «Дмитрия Донского» Бородина, «Емельяна Пугачева» Шишкова, «Суворова» Осипова, «Чингиз-хана» Яна и других романов. А ведь они были изданы в суровое предвоенное время, когда пахло порохом, когда вынашивались бредовые планы раздела нашей страны, и их публикация сослужила добрую службу в деле патриотического воспитания миллионов молодых людей, в осознании исторического опыта поколений, того пути, который привел Россию к социализму.

Журнал «Север» давно и плодотворно сотрудничает с историческим романистом Дмитрием Балашовым, мастерство которого растет от романа к роману. Широкий отклик получили его первые романы и повести — «Господин Великий Новгород», «Марфа Посадница», «Младший сын», «Великий стол».

И вот — «Бремя власти». Пришлось слышать после его первых произведений, что он превозносит новгородскую вольницу в противовес московской центральной власти, чуть ли не исповедует сепаратизм, независимость уделов. Новый роман все ставит на свое место. Раскрывается историческая закономерность борьбы с княжеским своеволием, раздробленностью русских земель, роль, которую сыграл в их объединении Иван Калита, решающее значение в этом Москвы.

Начало четырнадцатого века. Мужественный и гордый наш народ был вырезан, пленен, изгнан со своих мест. Единое огнище Руси распалось на несколько тлеющих пепелищ, в которых то возникал животворящий огонь русского духа, то, казалось, навеки затухал, превращая в прах и пепел былые дела, стремления и волю людей.

Уже низвергнут в запустение Киев, легенды о величии которого кажутся далекой сказкой, только жар слова летописцев напоминает о славе Галицко-Волынского княжества, вспыхивают неярким огнем и гаснут дела Новгорода и Пскова. По красным угольям Твери, Владимира и Рязани пробегают слабые, хотя и живые огоньки духа народного. Тогда Родина наша страдала от войн, междоусобий и произвола. «Светло светлая и украсно украшенная» земля русичей гибнет. Невиданное мужество и силу противопоставляет народ нашествию. И героическую песню, слово, дух. В Галицко-Волынской, Ростовской, Рязанской и Новгородской, Тверской летописи, в появившемся в начале века московском летописании главной темой становится тема борьбы с иноземными захватчиками.

Бесстрастный летописец из романа Д. Балашова «Бремя власти» вопрошает: «Да полно, сохранилось ли еще само понятие Руси Великой? Мыслят ли себя еще новгородцы и на Рязани единым народом с владимирцами, тверичами или смолянами? Или только в древних харатях да в головах книжечеев-философов и осталась мечта о единой Великой Руси». Тогда и возникал, казалось, единственно возможный вывод: о неизбежном конце и гибели земли русской, народа нашего. И здесь Дмитрий Балашов, поднявшись на высоты истории и бросая оттуда взгляд (так и обозначив свое первоначальное присутствие — «Взгляд с высоты») к радости и торжеству читателя, обнаруживает еще многие скрытые силы и надежды, которые таили в себе эта земля, этот язык. Он делает важнейший и диалектический вывод, позволяющий (правда, только в будущем) оценить все великие усилия московского князя Ивана Калиты, которого не раздавило и не опустошило бремя власти, власти, использованной во имя великой цели. Преклоняясь перед сверхвозможной стойкостью «собирателя земли русской», автор-летописец провозглашает: «...не может даже самый великий спасти народ, уставший верить и жить, и тщетны были бы все усилия сильных мира сего, и не состоялась земля русичей и угасла бы, как угасла вскоре Византия, ежли бы не явились в народе силы великие и дерзость и вера, наполнившие смыслом деяния князей и епископов и увенчавшие ратными успехами подвиги воевод».

Не раз впадали в искушение те, кто, описывая деяния великих, видел только в их воле, силе и упорстве решающее условие торжества времени. Не раз восхищаясь характером мужей, облеченных властью, отдавая им свои безграничные симпатии, они выводили исторические победы страны только из их усилий.

Дмитрий Балашов избежал как вульгарно-социологического взгляда на историю, где отсутствуют конкретные лица, своими усилиями в немалой степени изменяющие облик мира, так и субъективистского преклонения перед выдающейся личностью, которая не сможет добиться закрепленных в веках результатов, если не будет

опираться на историческую волю и чаяния миллионов людей своего отечества, лучших представителей человечества. Нелегко удел Собирателя, Правителя. Автором показан исторически обусловленный тип героя, руководителя, отличного от белоконных Георгиев, вооруженных и сражающихся в бою, ниспровергателей зла. Не честный бой, в котором глядишь в глаза врагу, не драка, где все зависит от твоей силы, не схватка, когда ты в строю соратников, не поединок с противником перед ратью соплеменников. Нет, полное подчинение врагу, согласие с ним, «опущенные долу очи» в знак покорности, и непрерывная работа ума, сдержанность сердца, во имя великой цели. Действительно, это новый художественный тип героя, новый образ в нашей литературе. Невероятны напряжение и собранность князя Ивана Калиты. Он добивается того, чего не удавалось добиться другим князьям ратной силой. За серебро, податливость, внешнюю покорность покупает у хана волюсть за волюстью, собирает земли, свозит людей, строит храмы и дворцы. Он знает, что будет и бой, но для этого следует набрать силы, земли, людей. А за это ему хула, ославление, поносные слова: кровопивец, Иуда, изверг, лиходей.

«Знали бы, что в замыслах его тайных — совокупить всю Русскую землю. Знали бы! Не знают и добро. Стоит вызнать одному лишь суздальскому князю — и не усидеть Ивану на столе! А нужно не только усидеть, надобно ее усилить на столько, чтобы уже не дерзали противу».

Как оправдать его грабеж соседей? Правда, не разорение до смерти, не на убой битье, а для платы хану, чтобы тот не напустил орду, не вырезал, не сжег дотла. Князь Александр Тверской, выступавший открыто против ордынцев, был безрассуден в своей храбрости, и это вело к напрасным жертвам и даже катастрофе. Калита мучается своей ролью. Сыну рассказал все под тайною. Семен понял, как должно. Спросил только: «Не берем ли себе излиха? Пришлось показать отроку всю казну, грамоты, расчеты княжие... Другой бы обрадел, а этот враз о справедливости помыслил! И хорошо. Честь, совесть, правду терять не след... Власть — бремя. И пока она для тебя пребудет бременем, дотоле ты прав». Тяжко быть все время распятым на кресте собственной совести, но творить дело надо. Дипломатия, обращение к церкви, строительство, забота о землепашце — все подчинено главной идее. Не пришло еще время дать прямой бой, идет поиск объединяющего символа (недаром крестник его Алексей зовет к Ивану: «Нужен святой»). А Иван принимал это и понимал, что в жизни надо принимать то, что есть, и из этого делать потребное...» Поучая сына, он говорит ему: «Основа прочности власти — предание», — понимая скрепляющую силу традиции. Он понимает, что свой план, свои замыслы он может осуществить, только когда будет опираться на весь народ. Иногда сын сомневается в возможностях народных и говорит отцу: «Тяжко, отец, требовать ото всех

высокого! Величие разве не удел избранных? Я вот пьяных не люблю, даже боюсь...» Иван решительно возражает: «Пьянство от лени!.. Труженик, он не пьет, а пирует, да и то в свой праздничный час! А требовать ото всех, ото всего народа величия надобно, сын!»

Тут уже свое великокняжеское представление о народе, который сам потребовал величия духа от своих правителей. Но народ в романе не пассивен, не безропотен, не потерял веры в жизнь, в будущее. Символична сцена в прологе, когда снова и снова возрождается жизнь. И к пепелищу, где не будет убитого татарами хозяина, идет мать с сыном, купив корову и тихо следуя за ней к новому очагу. И «пока они,— восклицает автор,— будут гнать корову (вновь и опять, вновь и опять), пока будет молоко для детей, будущих пахарей и воинов, дотоле пребудут города и храмы, гордая удаль воевод и книжная молвь, многообразные науки, художества и ремесла, дотоле пребудет страна и все сущее в ней!»

Иван Калита — собиратель, объединитель всего важного и нужно-го для будущего мощного государства: земель, серебра, мастеров, воинов, державных людей. Как истинная историческая личность, больше всего он любит строить, созидать. «Градское велилепие» — его цель. И страницы зодчества в романе все пронизаны радостью, истинным пафосом. Но не только смольным духом, топорным перезвоном встречала тогда Москва. Она училась возводить каменные здания, утверждала свой неповторимый облик, не озираясь даже на великих предшественников: Константинополь, Киев, Владимир. «Люди в лаптях и рванье, в домодельном сукне и посконине, в портных и кожаных передниках, подвязав по обычаю мастеров волосы кожаными чайтанами, в жаре, грязи, поту, в шуме и крике, посеребренные белой каменной пылью, тьмочисленно шевелились повсюду: и под стенами и на стенах, и вокруг возов, и у высоких костров сплошного камня, и там, где резкими всплесками взлетала, ярко и часто, взлетала земля из-под копыт...» Ордынская сабля висела над Русской землей, а тут, в Москве, кипела созидательная работа, и ее впечатляющие сцены удались Д. Балашову не меньше, чем мудрые беседы, вскрывающие время и историю, баталии и пейзажи.

В «Истории Государства Российского» А. Карамзин восклицает: «...Но справедливо хваля Иоанна за сие государственное благодеяние, простим ли ему смерть Александра Тверского, хотя она и могла утвердить власть Великокняжескую? Правила нравственности и добродетели,— продолжает историк,— святее всех иных и служат основанием истинной Политики. Суд истории, единственный для Государей... не извиняет и самого счастливого злодейства...» Трагический этот вопрос и трагическая фигура князя предстает в романе «Время власти». Автор не вершит суд, не дает откупа грехов за преступление, не прощает Ивана за гибельные для отдельных князей решения. Он воспроизводит объективную картину времени, вскрывает

логику поступка, психологическую мотивировку действия великого князя, показывает тяжкую ношу власти, историческую обусловленность объединения русских земель, закономерность движения народа.

Язык романа Д. Балашова едва ли не главное достоинство произведения. За неторопливым, тихим речением Ивана Калиты, быстрой, импульсивной речью Семена, прозрачным, несколько поверхностным словом Александра Тверского, книжной премудростью грека Феогноста, вещими рассуждениями Алексея, ограниченной суровостью Узбека четко ощущается характер героев. Если первые несколько страниц ты читаешь, как бы на ощупь, чувствуя в полузабытых контурах бессознательно известное издавна, заложенное в твое языковое сознание слово, то в дальнейшем идешь по этой праздничной улице русской речи, радостно узнавая и восторженно приветствуя своих старых знакомых, увиденных кем-то из твоего обихода и употребления.

Ученый-фольклорист Дмитрий Балашов как никто другой чувствует образную силу слова, его выразительность и необходимость. И если в его предыдущих романах «Господин Великий Новгород», «Марфа Посадница» иногда было (употребляя часто встречающееся у него слово) «излиха» старых выражений, то здесь, мне кажется, он применил ту необходимую «дозировку», когда, воссоздав древним словом образ эпохи, он не преградил им путь к сознанию современного читателя.

При обсуждении журнала «Север» на совете по прозе СП РСФСР в Петрозаводске В. Астафьев, В. Распутин, С. Залыгин, В. Лихоносов, В. Потанин — сами замечательные мастера слова — оценивали язык романа как великолепный, умело создающий единство былого и современного.

Утверждение народного духа самосознания, беззаветная преданность Родине, стойкость, мужество и неустанное служение ей убедительно воссозданы в романе Дмитрия Балашова и делают его современным и важным участником дела патриотического воспитания советских людей.

В свое время мне с группой комсомольских работников довелось поздравить с 70-летием маршала Г. К. Жукова. Мы вручили ему любимый им «Тихий Дон» и сборник патриотической поэзии «О, русская земля!». Перелистывая сборник, прославленный полководец сказал: «У нас всегда была замечательная патриотическая литература. Надо, чтобы каждый молодой воин знал ее». Подумав, он добавил: «Наши солдаты в Великую Отечественную неплохо знали историю, наше героическое прошлое». Действительно, знание героического прошлого — наше оружие в защите рубежей страны, народ которой созидает, творит, борется за светлое будущее!

СОДЕРЖАНИЕ

Земная встреча	3
Выбирая будущее	9
На берегах великой реки	12
Прозревая века	18
Нестихающая совесть писателя	23
Люди земли	28
Крутые горы	36
Во имя потомков	40

**Валерий Николаевич Ганичев
ВО ИМЯ ПОТОМКОВ**

Редактор М. М. Жигалова.

Технический редактор В. Н. Веселовская.

Сдано в набор 27.01.82. Подписано к печати 21.04.82. А 00358. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,09. Тираж 100000 экз. Изд. № 565. Заказ № 1994.
Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина 125865. ГСП. Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

СПОРТИВНАЯ ЛОТЕРЕЯ «СПРИНТ»

Главный выигрыш — автомобиль «Волга». Разыгрываются также денежные суммы от одного рубля до 5000, автомашины «Москвич», «Жигули», «Запорожец» и мотоциклы.

Размеры денежных и наименования вещей выигрышей указаны на запечатанных в конверты билетах.

В каждой серии, состоящей из двух миллионов билетов, свыше 400 000 выигрышей.

Доходы лотереи «Спринт» направляются на развитие физкультуры и спорта. С помощью средств спортивных лотерей построено и реконструировано свыше 200 спортивных сооружений.

Ваше участие в игре — это ваш вклад в развитие физкультуры и спорта.

Билеты «Спринта» продаются в киосках «Спортлото» и у общественных распространителей.

ЖЕЛАЕМ УДАЧИ!

Главное управление спортивных лотерей